

On the Centenary of His Birth

ЯНКА КУПАЛА

Вершы

Yanka Kupala

Only by Song

Poems

Янка Купала

Стихотворения

Progress Publishers

Moscow

Translated from the Byelorussian by *Walter May*
Designed by *Sergei Mikhailov*

Янка Купала
СТИХОТВОРЕНИЯ

На английском языке
с параллельными русскими текстами

Printed in the Union of Soviet Socialist Republics

К $\frac{70403-559}{014(01)-82}$ 103—82 4702128

CONTENTS

FOREWORD

In the poetry of every people there are names which signify an epoch in the literature and history of their land. With the activities of Yanka Kupala, whose creative work marked the birth of modern Byelorussian poetry, and played a fundamental role in the formation of the Byelorussian literary language, is connected the most important stage of the development of Byelorussian national culture.

Yanka Kupala is the literary pseudonym of Ivan Dominikovich Lutsovich, who was born on 25th June (7th July, new style) 1882, in the family of a tenant-farmer. Upon his head, and on those nearest to him, fell all fate could prepare for the lot of a man born in the family of a landless peasant. Little Yanka yearned for learning, but the migratory nature of the family life prevented him from receiving a systematic education. "Poverty compelled me to seek another kind of knowledge—to read the sad book of the landowner's fields, and to write the sad story of my hero with the wooden plough and the scythe." So wrote the poet later on in his autobiography. The passion for reading appeared early, but was fulfilled unsystematically. Only later Yanka had the opportunity of using a real, well-selected library.

"Books awoke fantasy within me. But most strongly of all, I think, I was influenced by Byelorussian folk-tales heard in childhood," remarked Yanka Kupala. The youngster was fascinated by the world of folk creations, the songs and stories of the Byelorussian people...

Fate prepared for Yanka Lutsevich not only a difficult childhood, but a harsh youth too. In 1902 he remained the sole support of his widowed mother, and his sisters. In search for means of sustenance he changed many jobs, and tried many occupations: he worked as hired farm labourer, as private tutor, as a scribe, and for a few years as an unskilled labourer in a distillery.

Approximately in those years, on the eve of the 1905 revolution, Kupala made his first acquaintance with Byelorussian poetry. He was moved by poems about the peasants' hardships, the language was near to him, for all those who lived around him spoke in that way. From his autobiographical notes we know he had still not set for himself any clear future path. The reading of proclamations and revolutionary brochures in the Byelorussian language served as an incentive to a definite vocation. "That finally decided me, that I was a Byelorussian, and that my one and only calling was to serve my people with all the strength of my heart and soul."

The revolutionary year of 1905 marked the appearance of a new poet in Byelorussia. On 15th May, 1905, in the Minsk newspaper *North-West Territory* was published a poem entitled "The Peasant", under which was placed the signature "Yanka Kupala". That pseudonym was connected with the widespread legend among the people about the "magic fern-flower" which comes into bloom on the eve of John the Baptist. (This is the literal translation of "Yanka Kupala", who was born on that day. Ferns are not, of course, blossoming plants, but carry spores for propagation.— *Translator's note.*) The legend speaks of the flower as bringing happiness to those bold ones who take the road of struggle, and seek it.

The poem provided evidence that the young author leaned upon established literary tradition.

Since the time when the uniting of Byelorussia with Russia brought the Byelorussian intelligentsia into con-

tact with the freedom movement of the Russian people, with its social progressive thinking, and a new Byelorussian literature made its first strides, a hundred years have passed.

The birth of Yanka Kupala was one of the links in that chain of most historically significant events.

The wakening of the peasant mass, the birth of their social and national conscience, was a distinguishing feature of the epoch in which Yanka Kupala began his literary path. The events of the first Russian revolution of 1905, and the struggle of the Russian proletariat was deeply reflected in the fate of the Byelorussian countryside. The "country clods" or "boors", as the representatives of the land-owning nobility and the officials of the tsarist administration often termed them, became aware that they had the right to attain to human conditions of life, to struggle against exploitation and to maintain their national customs and language.

That deep internal process, of primary importance for the historical fate of the Byelorussian people, called into being the poetry of Yanka Kupala. His first published poem, setting forth the strength, dignity and humanity of the Byelorussian peasant, and his ability to withstand daily misfortunes, was the programme piece, at once poetic and social.

After "A Peasant", the readers heard nothing of Yanka Kupala for a long time. Only after two years had elapsed his poem "To the Mower" appeared in print. The interruption was forced upon him—the conditions of censorship made it impossible to publish pieces full of rebellious and revolutionary feeling. But Yanka Kupala wrote much in those years. The line from his well-known poem "Though it groan, though it cry, Byeloruss will not die" might well signify the main theme of the poet's verses written in the 1900s. With especial expressiveness it is portrayed in the classic simplicity and significance of his poem "But Who

Marches There?" The poems he wrote between 1905 and 1907 formed the first collection of his verses, entitled *The Flute*, which came out in 1908 in St. Petersburg, and brought the author literary recognition.

In autumn 1909 Yanka Kupala moved to St. Petersburg. The poet was attracted there by his aspiration to receive a systematic education. On his arrival there, the poet entered the circle of the Byelorussian intelligentsia. Progressive figures in young Byelorussian culture valued Kupala's talents highly, and attentively followed the development of his creative powers. Those four years (1909-1913) spent in St. Petersburg were a period of intense work for young Kupala. In 1910 his collection of verse called *Guslyar* (a bard who played upon the dulcimer.—*Translator's note*) came out, and in 1913 was followed by another collection entitled *On Life's Road*. The stylistic diapason of his work became wider, and dramatic poems such as "An Age-Old Song", "Dream on a Burial Mound", "At a Halt" appeared, as well as the comedies *Pavlinka* and *Primaki*, and the drama *The Ruined Nest*.

Maxim Gorky gave young Yanka Kupala his sincere and friendly support. The new poet was deeply touched when he was informed of the impression which his work had made on Gorky. The support of the great writer put new poetic strength into the young poet, and confirmed his belief in his literary vocation.

The strength of his lyrical gift enabled Yanka Kupala to make one of the greatest revelations in the poetry of his time. In his verses the peasant himself informed the world of the truth about himself. With merciless true realism he drew the picture of the beggarly life of the Byelorussian village, the poverty-stricken life of her sons, but alongside this bitter truth, he showed another: how in the consciousness of ignorant and wretched people a great change had come about—they found in themselves a feeling of human dignity, and many understood that the right to de-

cent life on a human level they must themselves defend in social struggle. The hero of Kupala's pieces lives a complicated internal life; he has a wide range of feelings and is able to meditate upon his own fate, and that of others like him. Following in the wake of Maxim Gorky, Yanka Kupala was able to find in the man of toil the source of real poetry, and to reveal, behind the external details of his stern mode of life, a rich spirituality.

The revolution entered Kupala's poetry not only as a theme of struggle. It permeates the whole mode of thinking and feeling of his lyrical hero, determines his outlook on the world, and on himself in the world. The poetry of toil—that is one of the essential themes of Kupala's creative work. The poet who so often portrayed in melancholy or angry lines the difficult and hopeless labour of his pauperized people, at the same time created a poetic and expressive picture of agricultural life and toil.

As one collection of his poems after another grew bolder and more assured, so also wider became the range of his creative work. Apart from his lyrical verse, the poet composed original stories in verse, turning to satire, lengthy descriptive poems, and the drama. He carried out a worl of enormous importance in the development of a Byelorus sian literary language, freeing it from foreign accretions and leading it into the literary practice of using the every day speech of his people.

The Great October Revolution brought to the people o Byelorussia social liberty, and the necessary condition for the development of their national culture and statehood. On January 1st, 1919, the Byelorussian Soviet Socialis Republic was formed. A new period in the creative life o the poet began. Along with Yakub Kolas (1882-1956), Yanka Kupala headed the young detachment of Byelorus sian writers, and carried on great work in the constructior of socialist culture. The poet devoted much of his strengtl to translating the revolutionary songs of various peoples

and the classics of Russian literature into the Byelorussian language. In 1925, in connection with the 20th anniversary of his literary activities, the Byelorussian Government conferred upon Yanka Kupala the title of People's Poet of Byelorussia. In 1928 he was elected as an acting member of the Byelorussian Academy of Sciences, and in 1929 as an acting member of the Ukrainian Academy of Sciences. In 1939 he was awarded the Order of Lenin for outstanding services in the field of literature.

Kupala travelled much about the land. On the construction sites of the first five-year plans, and on the collective farms the poet got to know the life of the factory workers and collective farmers, in relation to what had taken place in the lives of the people during the years of Soviet power, and the relations which had grown up between them.

The poet moved boldly forward toward what was new in life, and tirelessly sought out fresh paths in his art, not previously known. His new creations were not mere continuations of his previous work, but marked the birth of a new artist. The 1930s were particularly fruitful. In that period the poet published three more collections of verse, and wrote the long poem *Beyond the River Oressa*.

His bright acceptance of life, the feeling through his lyrical heroes of his indestructible ties with the world of nature, with his people, and the ability to penetrate into their sorrows and joys were characteristic of Kupala's lyrical pieces of those years.

From the very first days of the Great Patriotic War Yanka Kupala fought with the weapons of the publicist and the poet, calling for an all-out struggle against the Hitlerite invaders. Yanka Kupala's poems went beyond the front lines, and circulated throughout all occupied Byelorussia. Many newspapers published his fiery articles against the enemy which had attacked the Motherland. This summons to the fight, this confidence in the readiness of the people to defend their homeland rings out in such poems

as "To Byelorussian Partisans", "The People Arise" (both written in 1941) and "We Shall Restore Our Joy and Freedom" (1942). The picture of victory, precisely drawn with artistic vision, Yanka Kupala never lived to see as a reality. The poet died on 28th June, 1942.

The lyrics of Yanka Kupala are a deeply national phenomenon. They grew on Byelorussian soil, they were nourished by the history of the Byelorussian people, the everyday life of the Byelorussian peasant, and were enriched by the treasure-house of Byelorussian folk-lore, and the traditions of the Byelorussian poet-democrats.

But there is no doubt that the poetry of Yanka Kupala has gone far beyond the bounds of Byelorussian national culture. His works have entered the historic pages of world poetry. He created a literary chronicle of the greatest revolutionary events of our century. But his lyrics do not belong to history alone. They are a living entity, nourishing modern poetry, and near to the heart of the present-day reader.

R. Feinberg

МУЖИК

Что я мужик, то всем известно,
И целый свет, как есть, велик,
Мной помыкает повсеместно, —
Ведь я мужик, дурной мужик.

Читать, писать я не умею,
Не ходит гладко мой язык,
Ведь только знай пашу и сею,
Ведь я мужик, дурной мужик.

Трудом свой хлеб я добываю,
Сношу я брань, сношу я крик,
А праздник изредка лишь знаю,
Ведь я мужик, дурной мужик.

Сидят детишки век без хлеба,
Изодран женкин черевик,
И ни гроша — проси хоть небо! —
Ведь я мужик, дурной мужик.

Мне горьким потом застит очи,
Будь я малёц, будь я старик, —
Ломлю, как будто вол рабочий,
Ведь я мужик, дурной мужик.

Как мучит хворь — куда податься? —
Я знахарь сам, я сам привык
Без докторов перемогаться, —
Ведь я мужик, дурной мужик.

Мне голяком придется сгинуть,
Пропасть, как в чаще лесовик,
И, как собаке, свет покинуть,
Ведь я мужик, дурной мужик.

A PEASANT

That I'm a peasant, all must know,
And far and near—the world's like that—
I'm scoffed at everywhere I go—
Since I'm a peasant, a simple chap.

I cannot read and write, and so
My tongue but roughly starts to clap,
And all my life I plough and sow—
Since I'm a peasant, a simple chap.

By heavy toil I gain my bread,
Put up with curses, take the rap.
Holidays come: I work instead—
Since I'm a peasant, a simple chap.

Without a crust my children cry,
My wife's in rags, without a wrap.
Without a penny I get by—
Since I'm a peasant, a simple chap.

The bitter sweat drips in my eyes,
And old or young, it's my mishap
To work the whole day, oxen-wise—
Since I'm a peasant, a simple chap.

In sickness and in need I lie:
I cure myself somehow, mayhap!
For me no doctor will come nigh—
Since I'm a peasant, a simple chap.

And naked I'm condemned to rot,
Like forest mushrooms, from the scab,
Or like a mangy dog to drop—
Since I'm a peasant, a simple chap.

А все ж — хоть сколько жить ни буду,
Как мой тут век ни будь велик,
Того я, братцы, не забуду,
Что человек я, хоть мужик.

И всяк, кто спросит — пусть уж знает,
Единственный услышит крик,
Что, хоть мной каждый помыкает,—
Я буду жить! — ведь я мужик!

1905

But if my life is swiftly sped,
Or if I live a longer span,
I never, brother, shall forget
That, though a peasant, I'm a man!

And anyone who questions me,
Will hear one cry I always give:
I may be scorned by all, but see—
Since I'm a peasant—I shall live!

1905

РАСШУМЕЛСЯ ЛЕС ТУМАННЫЙ

. . . .

Расшумелся лес туманный,
Вихрь прошел по полю,
Заметалися тираны,
Что несли неволю.

Зашумели, загремели
Молодые песни:
«Долго, долго мы терпели,
Долюшка, воскресни!»

И глядите, что за диво!
Предрекать не надо —
Буйно встанет наша нива,
Будет нам награда!

И туда, где спины гнулись
Перед паном вечно,
Где казенные тянулись
Дебри бесконечно,

Где была одна пустыня,
Кочки да болота, —
Выйдут люди, пуща сгинет,
Закипит работа!

Наша сила и отвага
Вспыхнет, как зарница.
Наша воля алым стягом
Ярко загорится.

THE FOREST CLAMOURS

. . . .

The forest clamours in excitement,
  Wheat fields in trembling motion go,
Tyrants too begin to tremble,
  Who on the people work such woe.

Rolling out, like peals of thunder,
  Powerful songs begin to ring:
"Long, so long have we been patient—
  Life and liberty—take wing!"

And just look now, what a wonder!
  There's no need for prophesy—
Lustily will grow our cornfield,
  There'll be bread, and we'll be free!

Where the wild grass-land was lying,
  And the landlord's wide estate,
Where for ages government forests
  Lay forlorn and left to fate,

Where there previously were wastelands,
  With the odd birch-tree or pine,
There'll be fields, the waste will vanish,
  Hamlets grow with houses fine.

Like the sun or human spirit,
  Human warmth will shine afar;
Freedom and fortune will arise now,
  Our bright flag, our darling star.

Верьте песне — выйдут зори!
  Время наступает:
На волнах людского горя
  Правда выплывает.

Пусть противятся тираны,
  В ноги к ним не ляжем,
Кровью вымоем поляны,
  Но свое докажем!

Наше горе, наши слезы,
  Жалобы глухие
Встанут силой, встанут грозной
  За права людские.

По просторам в поднебесье
  Звонко пронесутся
Наши думы, наши песни
  И в одну сольются:

«Смерть тому, кто у голодных
  Пищу отбирает,
Кто на наш народ свободный
  Цепи надевает!»

2 июня 1906

Trust the song, for soon, very shortly
  Comes the Day of that refrain—
Rising now the human ocean
  Certifies that truth will reign.

Then the tyrants will oppose us,
  But we shall not bend the knee.
With our blood the fields we'll water,
  But those fields our own shall be!

All our tears, and all our sorrows,
  All our blood, and salty sweat,
They will stand through ice and fire,
  For our rights as people yet.

From our breast will burst the thunder,
  Waves of song, as we rejoice.
In one chorus all together
  We shall lift our mighty voice:

"Death to those who take the bread-crust
  From the poor beneath their yoke!
Death to those who still would rivet
  Chains upon our free-born folk!"

June 2, 1906

МОЯ МОЛИТВА

Я буду молиться и сердцем, и думами,
И песенной буду молиться душой,
Чтоб черные доли с метельными шумами
Не шли бы вовек над родною землей.

Я буду молиться и солнышку светлому,
Чтоб грело сирот, как настанет зима,
Светило б, гуляя полями, приветливей
И чаще входило б к несчастным в дома.

Я буду молиться и грозам сверкающим,
Ветрам, что над нами клубят облака,
Чтоб градом не били хлебов созревающих,
Чтоб жалость имели они к беднякам.

Я буду молиться и звездам, досадуя,
Что падают часто и гаснут навек...
Я слышал не раз, если звездочка падает,
То где-то скончался, угас человек.

Я буду молиться и полю широкому,
Чтоб жатвой богатой платило за труд,
Чтоб хаты не гнуло нуждою жестокою,
Чтоб светлую долю увидел наш люд.

Я буду молиться и сердцем, и думами,
И песенной буду молиться душой,
Чтоб черные доли с метельными шумами
Не выли над краем моим, надо мной.

5 июля 1906

MY PRAYER

I'll pray with my heart and the strength of thinking,
I'll pray with the song of my soul in raised hands,
That blackest misfortunes, with howling wild *blizzards,*
No longer bedevilled my dear native lands.

I'll pray to the sun shining bright, that poor orphans
Alone in the snow, it should warm with its beam,
That roaming caressingly over the rye-fields,
More often in peasants' dark huts it should gleam.

I'll pray to the storm-clouds and threatening thunder,
Which often run wild over meadow and dale,
That they should take pity on sorrowful paupers,
And not send down lightnings, and showers of hail.

I'll pray to the stars in the heavens, complaining
That too often they put out their light in the sky;
I've heard that whenever we see a star falling,
Then to someone on earth comes the moment to die.

I'll pray to the fields, with all power that's in me,
That they should reward with ripe harvest man's toil,
And enrich the old rickety hut of the peasant,
Fulfilling the hopes which he placed in the soil.

I'll pray with my heart and in my meditations,
I'll pray with the song of my soul in raised hands,
That blackest misfortunes, with howling wild blizzards,
No longer whirl o'er me, and my native land.

ВЕСНА

Сгинули стужи, морозы с метелями,
Больше не мерзнет душа ни одна.
Солнышком радостным, зеленью яркою
Землю всю вновь одарила весна.

Речки сонливые снова бурливыми
Стали сегодня, волною шумят;
Мечутся стайками рыбки проворные,
В воду поглубже идти не хотят.

Пущи дремучие, зиму проспавшие,
Песни свои устремили в полет;
Птицы щебечут, листва распускается,
Дятел стучит, соловейка поет.

Всюду трава поднимается сочная,
Принарядились луга и поля,
Около стада подпасок с жалейкою
Ходит, играет, себя веселя.

Пой, пой, жалеечка! Пой, пой, веселая!
Лучшую долю накликай и мне;
С пущей, с ветрами, с залетными пташками
Пой мне о счастье, пой о весне!

1906

SPRING

Gone the sharp cold and the frost and the blizzard,
Never a soul will freeze from henceforth,
With the warm sunshine, with foliage brilliant
Spring has returned and rewarded the earth.

Rivers which yesterday lay soundly sleeping,
Now fly a-streaming, their wavelets a-dance.
Fishes go flashing and splashing and leaping,
Up at kind skies from the water they glance.

Dark dreaming forests which slept through the winter
Now their glad chorus have struck up again;
Leaves gently rustle and birds are a-twitter,
Woodpeckers hammer, the nightingale's plain.

Fields are bedizened in fresh luscious verdure,
Cattle are out now, and browsing away;
Round them there goes with his reed-flute the herder,
Rambles and pipes, for his spirits are gay.

Play, play little flute! Play gay, so it pleases—
Pipe in the springtime, and joy to me bring;
Tuned to the forests, the birds and the breezes,
Pipe me of happiness, sing me of spring.

1906

ПРОБА ОКТАВЫ

Бей, сердце, бей, полно отваги,
По струпам дум. Буди, мой дух,
Тех, кто уснул в нужде и мраке,
Кто к переменам жизни глух.
Пусть мысли лягут на бумаге,
Утешат братский взгляд и слух,
И пусть, хоть через много лет,
Народу вспомнится поэт.

Что надобно для счастья? Мне бы
Взгляд ласковый со стороны,
И словно я взлетел под небо,
И смех звенит, роятся сны.
А вы, кто не имели хлеба,
Не знали радостей весны,
Припомните души завет
И слово, что сказал поэт.

Измученные злой недолей,
Горюем мы под тучей бед,
А у поэта взор соколий
Вмиг облетает белый свет,
И боль его всех горше болей,
Он вянет, как осенний цвет,
И, братья, будет ли согрет
За муки ласкою поэт?

Мешку, набитому рублями,
Смиренный ото всех поклон,
Хотя б злодейскими руками
Был кривдою наполнен он.
Кто видит бедных между нами
И кто несчастных слышит стон?
Никто, — хоть время дать ответ
На песню, что сложил поэт.

ATTEMPT AT OCTAVES

Strike up, my heart! Strike up, my spirit!
Upon your strings some thoughts of cheer!
Awake my sleeping faith in the merit
Of life that swings 'wixt hope and fear.
May thoughts of mine on paper tell it,
And please my brothers' eyes and ears;
And may at last the people start
To call to mind sometimes their bard!

The simplest things give joy to mortals—
Just kindly greetings pleasure bring—
Enough to open heaven's portals,
And make us laugh and dream and sing.
You, who for crusts of bread must battle,
Who know no solace of the spring,
Mark well the music of my heart,
Mark well the words of your poor bard!

We weep, by cruel fate tormented,
See only the clouds of our own plight;
The bard, as on falcon's wings suspended,
Sees all the world, both far and wide;
He suffers most, all woes befriended,
And fades like flowers in autumn's night.
But, brothers and sisters, for your part,
Did you pity your long-tormented bard?

To money-bags packed tight with roubles,
Everyone on his knees will go,
Even if evil-doing devils
Stuffed them full of falsehoods—so
Who noticed the poor among us people?
Who heard our moans and groans of woe?
Although it was time it should be heard,
Who heard the singing of the bard?

Вот крепко выстроенный белый
Высоко вознесен дворец,
Но разве в нем живет умелый
Его строитель и творец?
Его невзгода одолела,
Сломили бури наконец,
Но путеводный звездный свет
Путь озаряет твой, поэт.

Всего удел — исчезнуть вскоре,
Все тленно, все невечно тут,
Хоть на земле людское горе
Спокон веков нашло приют.
Умрет поэт с неправдой в споре,
Друзья проститься с ним придут...
Того, кто пел недавно, — нет.
Не смейтесь! Спит в гробу поэт.

1906

The palace stands so white and stately,
Built straight and level, lines all true.
Did those, whose skilful hands toiled greatly
To raise those stones, dwell in there too?
Oh, no! They lived not so sedately,
They perished when life's tempests blew,
As dawn leads servants to labour hard,
So also dawn leads on the bard.

All quit this world—today or tomorrow—
Nothing's eternal on this earth;
Though human grief and human sorrow
Have always lived with eternal dearth.
The bard will die, who sang so mellow—
His friends will gather and weep his worth...
People, it's not the time to laugh,
At least, above the grave of your bard!

1906

КОСЦУ

Стук-стук-стук, молоток!
Клепай ко́су, мужичок,
Клепай остренько свою,
А я песенку спою.
Гоп, гоп, гоп!
Я тебе спою.

Прежде был народ хитрей,
Без ружья он жил, ей-ей!
Брал он косу, да и ну —
С этой саблей на войну.
Гоп, гоп, гоп!
С саблей на войну.

Косу в шейке отогнет
И насадит, и махнет;
Всяк, кто стал бы поперек,
Головы б не уберег.
Гоп, гоп, гоп!
Головы не уберег.

Да и пушки им не в страх:
Тыщи встанут в один мах,
Один ляжет, сто идет.
Шутка, что ли, — весь народ!
Гоп, гоп, гоп!
Весь народ.

Ну и ты косу́ востри,
Да живее — раз, два, три!
Да и с нею — на войну.
Я ж иначе петь начну.
Гоп, гоп, гоп!
По-иному петь начну.

TO THE MOWER

Strike, strike, strike, hand-hammer again!
Hammer out your scythe, common man,
Hammer an edge both sharp and long
While for you I'll sing my song,—
Tap, tap, tap!
I will sing my song.

Folk were cleverer long ago,
Didn't shoot rifles, oh dear no!
Scythes they used like sweeping swords,
Armed thus off they went to the wars!
Tap! tap! tap!
Off they went to the wars.

Gave the blade's strong neck a twist,
Fixed it firm, and round it swished!
Back, step back, death reaping goes,
Sharpened scythes mowed down their foes,—
Tap, tap, tap!
Scythes mowed down their foes.

Cannon-fire they never feared,
Like a giant the masses reared,
One man falls—a hundred pass.
Who can match the marching mass?
Tap, tap, tap!
Match the marching mass?

So must you your scythe set true,
One, two, three, and swiftly too!
Off with it now to fight the wrong,
While I start a different song,—
Tap, tap, tap!
Start a different song.

На войну с травой иди,
Коси гладенько, гляди!
Гром грохочет, целит в грудь,
Ты ж коси, отважным будь.
Гоп, гоп, гоп!
Отважным будь.

Поют птицы под окном,
Лучшей доли долго ждем...
Ты кончай косу́ клепать —
С чурбана пора вставать.
Гоп, гоп, гоп!
Пора вставать!

11 мая 1907

Off to war with grass-weeds go,
See you mow them level and low!
Vulcan thunders, guns untold—
Mow then—be you firm and bold!
Tap, tap, tap!
Be you firm and bold!

Birds sing sweet above your gate,
Long a better lot you wait.
Now enough, you've set your scythe,
From the anvil time to rise,—
Tap, tap, tap!
Yes! it's time to rise!

May 11, 1907

Я НЕ ПОЭТ

Я не поэт — нет, избавь меня боже!
Славы такой не ищу я нимало.
Но песню сложить я сумею, быть может,
И просто зовуся: Янка Купала.

Слава поэтов ласкала на свете,
Много им песен хвалебных слагала...
Тихо пою я — кто тихих приметит?
Ведь я из деревни — Янка Купала.

В каждой стране, вдохновеньем согрето,
Слово певца о народе звучало.
У белорусов же нет и поэта.
Пусть уж им будет хоть Янка Купала.

Он незадачливый, тихий, несмелый,
Горькая доля его воспитала.
Слезы, обиду и горе век целый
Только и знал он — Янка Купала.

Песню сдружил он с той речью убогой,
Которая только насмешки снискала,
Пусть ее судят надменно и строго —
Вот, скажут, выдумал Янка Купала.

Счастье так редко над миром восходит,
Нам оно светит так скупо, так мало.
Счастье увидев в родимом народе,
Сам бы стал счастлив Янка Купала.

Долго не цвесть этой песенной силе,
Смерть стережет нас, и дней у нас мало.
Спросит прохожий: «Кто в этой могиле?»
А надпись ответит: «Янка Купала».

1905 — 1907

"NO POET AM I"

No poet am I, may the Lord forbid it!
I seek no such fame, but avoid it rather,
Still, I can write thoughtful songs to my credit,
  And I'm simply known as—Yanka Kupala.

All round the world flies the fame of the poet,
And laurels and praise are bestowed—a whole gala.
But I sing so quietly, no one would know it!
  See! just a village lad—Yanka Kupala.

Each country has those who sing of its glory,
Who praise their own folk—a bard or a harper—
But Byelorussians have no one, no story,
  So let them at least have Yanka Kupala.

His lot is a poor one, he's quiet and timorous,
Misfortune's his mother, and need is his father
His life's full of tears, and mockery grievous,
  See, just a simple chap—Yanka Kupala.

His songs he began in that humble language
So bitterly scorned, the subject of laughter.
Let singer and song be judged by the masses—
  See what's he's thought up, Yanka Kupala.

So rarely does happiness shine on our planet,
But still sufficient for all we could garner.
If he saw his countrymen had a share in it,
  He would be happy, would Yanka Kupala.

Alas, with the hours people's powers are fading,
And death mows them down, their crosses rise after;
When somebody asks: "Who lies in this grave, then?"
  The inscription will answer: "Yanka Kupala".

1905-1907

ИЗ ПЕСЕН НЕДОЛИ

Шумные березы
Побелил мороз,
Хотел бы я плакать,
Только нету слез.

Хотел бы запеть я
О беде своей,
Только нету песни,
Ноет грудь сильней.

Хотел бы, чтоб зимы
Ушли со двора,
Чтобы красовалась
Летняя пора.

Хотел бы, чтоб доля
В хате век жила,
Чтоб с бурливой речкой
Недоля сплыла.

Хотел бы, чтоб воля
Гуляла со мной,
Чтоб солнышко грело,
Как греет весной.

Только доли светлой
Не отыщет взгляд, —
Кандалы неволи
На руках звенят.

Нет весны и солнца,
Вместо света — тьма,
Морозом морозит
Лютая зима.

FROM SONGS OF MISFORTUNE

All the rustling birches
Frost takes by the ears,
I just feel like weeping,
But I have no tears.

If I feel like singing
Of my wretched home,
My poor heart is aching,
And a song won't come.

I could wish the winters
Were not so severe,
That the warmth of summer
Filled the dawn-sky clear.

I could wish that happiness
In my hut would stay,
That, like a rushing river,
Bad luck flowed away.

I could wish that freedom
Festive days would bring,
That the sun shone warmly,
As it does in spring.

But, good God in heaven!
Where is happiness sweet?
Manacles and fetters
On my hands and feet.

There's no spring, no sunshine,
And no brilliant days.
With his frosts a-freezing,
Stark the winter stays.

Морозом морозит,
Вьюгами грозит,
На работу гонит,
Голодом морит.

Эй, пойду я в поле,
Доли поищу,
Острою косою
В поле засвищу!

Ой, пойду я в поле,
Словно на войну,
Поищу там воли,
Саблею махну!

Может, выйдет доля
Ясною зарей,
Может, встанет солнцем
Воля надо мной!

1905 — 1907

With his frosts a-freezing,
Snow from head to feet,
Drives us to hard labour,
Gives us nought to eat.

Ah, I'll take to the field now,
Seek a happier day,
With my scythe-blade sharpened,
As if making hay.

Oh, I'll take to the field now,
Just as if to the fight,
Seeking for my freedom,
Wave my sabre bright!

Liberty may rise then
With the dawn blood-red.
Maybe, like bright sunshine,
Freedom will crown my head!

1905-1907

А КТО ТАМ ИДЕТ?

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такой толпой? —
Белорусы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках? —
Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою? —
На свет божий.

А кто же это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон? —
Нужда, горе.

А чего ж теперь захотелось им,
Угнетенным века, им, слепым и глухим? —
Людьми зваться.

1905 — 1907

BUT WHO MARCHES THERE?

But who marches there, but who marches there
In such an enormous horde of despair?
—Byelorussians.

But what do they bear on their scraggy backs,
With bleeding hands, and with feet shod in bast?
—Their injustice.

But where do they bear their injustice to,
But where do they bear it in open view?
—To all people.

But what, then, taught these, many million strong,
To rouse from sleep, and bear forth their wrong?
—Need and sorrow.

But what then, but what had these paupers in mind,
Suppressed through the centuries, deaf and blind?
—To be called human.

1905-1907

ПЕСНЯ ВОЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Напрасно свистами нагайки
Тираны устрашить хотят,
Напрасно черной сотни шайки
Расправой дикою грозят, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Мне не страшны Сибирь, остроги,
Меч палача и звон оков,
Пусть руки закуют и ноги,
Я пытки вынести готов, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Нам хлеб мерещится тем боле,
Чем горше голод нас гнетет;
Тем больше люди рвутся к воле,
Чем меньше к ним она идет, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Напрасно хохот раздается
Тиранов подлых над землей,
Что воля ими закуется,
Падет, задушена петлей, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

Да разве солнце кто потушит,
Погасит свет могучий дня?
Тираны воли не задушат,
Ведь воля солнышку родня, —
Душой я вольный человек,
Я им останусь целый век!

1905—1907

THE SONG OF A FREE MAN

In vain the hissing lash resounds,
The tyrant scares us but in vain,
Black Hundreds hunt us down, like hounds,
But useless is their iron chain.
    A free man, heart and soul, am I,
    And free will stay until I die.

I fear no cold Siberian sleet,
Nor headsman's axe, nor gaol, nor knout;
Let them gyve my hands, and fetter my feet,
And tear my very eye-balls out,
    A free man, heart and soul, am I,
    And free will stay until I die.

The less they give us—just a crust—
The more to take the loaf we haste.
The less that liberty's granted us,
The more we crave its full sweet taste.
    A free man, heart and soul, am I,
    And free will stay until I die.

In vain resounds o'er the earth today
The cunning despot's laughter loose,
That freedom's fettered, and on her way
Will be suppressed with sword and noose.
    A free man, heart and soul, am I,
    And free will stay until I die.

Can people snuff the sun's great light,
Like a candle or the daylight hour?
The tyrant can't quench liberty bright
For liberty shares the sun's fierce power.
    A free man, heart and soul, am I,
    And free will stay until I die.

1905-1907

Я МУЖИК-БЕЛОРУС...

Я мужик-белорус —
За сохою я рос;
Темен сам, белый ус,
Пряди длинных волос.

Мне отцом голод был,
И растил, и кормил,
Мать — лихая беда —
Сил дала для труда.

Хоть обиды терплю, —
Должен быть глух и нем;
Мир я хлебом кормлю,
Сам мякинушку ем.

От работы такой
С барышом целый свет,
Только мне никакой
Благодарности нет.

Видишь — высится бор
Непроглядной стеной,
Загудел мой топор —
Бор лежит предо мной.

Я кобылку стегнул,
За сохой зашагал,
Только плечи пригнул —
Целину распахал.

Я засеял клочок,
А потом, когда сжал,
Пан пшеницы точок —
Любо глянуть — собрал.

I'M A POOR BYELORUSS

I'm a poor Byeloruss,
Lord of ploughshare and scythe;
Lean and dark is my face,
And my whiskers are white.

My father was Need,
My mother was Grief.
My strength I received
From heaving the sheaf.

Though I bear a great load,
I must stay deaf and dumb;
I feed others with bread—
For myself, not a crumb.

From my work on the soil
They all live some way,
But for back-breaking toil
Not a thank-you, not they!

The tall forest stands,
Can't see through it like that;
The axe rings in my hands—
Like a pancake it's flat!

Off the brushwood I take,
Then I harness old Ned;
Give my shoulders a shake—
Forest's ploughland instead!

Sow the seed—when it's grown
Wife and I reap away...
Landlord carts off the corn—
Nice to see, I must say!

Кто со мной по знаком?
Я мужик-белорус!
Сипяки подо лбом,
Темен сам, белый ус.

Кабы грамотным был
И читать бы умел,
Я бы счастье добыл,
Я бы песенки пел.

Я посмел бы сказать,
Что и я человек,
Что и мне горевать
Надоело весь век.

1905—1907

People, see how I'm placed—
Lord of ploughshare and scythe,
With my bruised sunburned face,
And my whiskers bleached white.

Ah, if I were but taught
How to read books at sight,—
I would better my lot,
And songs I would write.

I would cry out aloud
That I'm a man too,
That of starving in need
I've had more than my due.

1905-1907

ЧЕРНЫЕ ОЧИ

Что, скажите, на свете черней темной ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что нас тайнами больше чарует, чем ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что невесть куда нас заведет среди ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что нас губит, как путника в темные ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

Что влечет, хоть страшит нас, как темные ночи?
— Лишь девичьи черные очи.

1905—1907

DARK EYES

What, tell me, are darker than darkest nights?
—A maiden's dark eyes.

What hold as great secrets as darkest nights?
—A maiden's dark eyes.

What scare us at times, like the darkest nights?
—A maiden's dark eyes.

What undo us, like roads lost in darkest nights?
—A maiden's dark eyes.

But what do we love, and dream of in darkest nights?
—A maiden's dark eyes.

1905-1907

Я НЕ ДЛЯ ВАС...

Я не для вас, паны, о нет,
В час вольный песенки слагаю,
Со дна души, на суд, на свет
Их, пробужденных, отпускаю.
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Порой ночей не сплю в печали,
Подчас мне слезы застят свет,
Что тайно в сердце закипали —
Я не для вас, паны, о нет.

Я не для вас, паны, о нет,
Дни молодые убиваю,
Веду войну с толпою бед,
Живу и радости не знаю.
Я не для вас, паны, о нет.

Я не для вас, паны, о нет,
Живу в труде, живу в искусе,
Пашу словами много лет
Глухую почву Беларуси,
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Я плачу по родной сторонке,
Вы ж — грязь швыряете мне вслед
И брань — приблудные подонки...
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет,
Пою — вас не достигнут звуки,
Сердца не заскорбят в ответ
На горький голос братней муки,
Не заскорбят, паны, о нет!

I'M NOT FOR YOU...

I'm not for you, my lords, oh no!
In leisure hour my song I write,
Which in my heart lies slumbering low—
I rouse it up, bring forth to light.
  I'm not for you, my lords, oh on!

I'm not for you, my lords, oh no!
I'm often of all peace bereft,
When in my eyes bright teardrops grow,
With sorrow which my soul has swept,—
  I'm not for you, my lords, oh no!

I'm not for you, my lords, oh no!
My youth's best days I squander so,
In one eternal war with woe,
Life's happiness I do not know—
  I'm not for you, my lords, oh no!

I'm not for you, my lords, oh no!
To raise a crop of words I haste,
Upon my empty land I go,
On Byelorussian grasslands vast.
  I'm not for you, my lords, oh no!

I'm not for you, my lords, oh no!
I grieve about my people's fate;
You'd tread me in the mire below,
You worthless breed, corrupt and base.
  I'm not for you, my lords, oh no!

I'm not for you, my lords, oh no!
I sing: but you don't feel my pain.
Your heart's not touched by pity, though.
A brother's torment calls in vain.
  You can't be touched by that, oh no!

4*

Я не для вас, паны, о нет!
Свет застит сытость и вино вам,
Вам жизнь — утехи вечный цвет,
Не разбудить вас правды словом,
Не разбудить, паны, о нет.

Я не для вас, паны, о нет!
Я с горюнами, с бедняками,
Я — их. Стены меж нами нет —
Звеним одними кандалами...
Я не для вас, паны, о нет!

Я не для вас, паны, о нет!
Служу я темным, несчастливым,
От них мне отзыв и привет
Примчится по лесам и нивам.
А не для вас, паны, о нет!

8 июня 1907

I'm not for you, my lords, oh no!
You live so fine, you swill the wine,
You're dulled by gluttony, and so
You can't be moved by truths of mine.
    You can't be roused, my lords, oh no!

I'm not for you, my lords, oh no!
I'm for the poor, in stress and strain,
I'm one with them in equal woe,
And fettered by the self-same chain.
    I'm not for you, my lords, oh no!

I'm not for you, my lords, oh no!
I'm for the ignorant and the sad.
From them to me responses flow,
I hear them in the field and glade.
    But not for you, my lords, oh no!

June 8, 1907

ЖИЛИ-БЫЛИ У ОТЦА...

Жили-были у отца
Три Василья-молодца.

Служил первый у господ,
Лил на панской ниве пот.

Второй стражником тут стал,
Пулей, саблей засвистал.

Третий сын в родном краю
За свободу пал в бою.

Батька старый в хате спит,
И дуда при нем лежит;

Он порой дуду берет,
Песню грустную поет:

«Ой ты, дудка, ой, дуда!
Жизнь не жизнь мне, а беда!

Тяжело и грустно мне
В моей бедной стороне».

1907

ONCE A FATHER HAD THREE SONS

Once a father had three sons,
Three Vasilys, handsome ones.

One was to a landlord bound
Life-long ploughed his master's ground.

One became a frontier-guard,
By whizzing bullet and sabre scarred.

One fell in the battle grand
For sweet freedom and his land.

In hamlet home the father sleeps,
By his side his flute he keeps.

Sometimes, when he feels that way,
Such a sorrowful song he'll play.

Oh, my flute, oh flute of mine!
Misery, misery, all the time!

You can't bring me any cheer
In my wretched country here.

1907

ТУЧИ И ДУМЫ

Черные тучи по небу плывут,
Черные думы заснуть не дают:
Тучи мне хату, а думы покой
Рады затмить, затуманить собой.

Падает с неба то снег, то вода,
Черные думы приносит беда;
Так и воюет бедняк человек
С тучами, с думами целый свой век...

1908

CLOUDS AND THOUGHTS

Sombre clouds over heaven's face creep,—
Sombre the thoughts which keep me from sleep:
Clouds o'er the hut, and thoughts o'er my soul
Nowhere to shelter, nowhere at all.

Sombre the clouds—either snowstorm or rain,—
Sombre my thoughts, *bringing sorrow and pain:*
So the poor peasant is caught up in strife
With clouds and with thoughts all the days of his life.

1908

ДЕВУШКЕ

Не беги от меня, радость жизни моей,
Пожалей, приголубь бедняка-сироту,
Сердце мне разбуди, сон тяжелый развей,
Душу песням открой, разгони темноту.

Я утехи не знал в горемычные дни,
Не заглядывал свет солнца в хату мою,
Бушевали вокруг только вихри одни,
Только клял я не раз долю злую свою.

Так за годом шел год — нету счастья в был
А ведь есть оно, есть на родимой земле!
Это счастье в любви, в смелой схватке со злом
Так постой, не беги, будь звездою во мгле!

Мы с тобой по земле твердым шагом пойдем,
Чтоб осилить беду, смело взяться за труд,
Жить, любить и терпеть, дорогая, вдвоем
За униженный край, за измученный люд!

22 апреля 1909

TO MY GIRL

) not hasten from me, precious light of my life,
ıt have pity, be kind, and a poor orphan nurse;
nd awaken my heart, lull my bad dreams and strife,
ill my soul with new songs, and the darkness disperse.

ot one comfort I've known in my miserable days,
nd the sun never peeped in my pitiful hut,
nly blizzards and storms came to plague all my ways,
Only often I cursed my unfortunate lot.

o the years followed on, with no joy they were gone,
Although joy does exist in this world bare and stark:
That is joy found in love, in the brave fight with wrong.
So remain, do not fly—be my star in the dark.

You and I on this earth with assured step shall go,
And shall conquer distress, boldly take up our work,
Live and love and endure all together, we two,
For our down-trodden land, our tormented poor folk.

April 22, 1909

КАК Я ПОЛЕМ ИДУ...

Как я полем иду, гнется колос ко мне,
С ним печальной душой я беседу веду,
Колос слушает все в зачарованном сне, —
Колос гнется ко мне, как я полем иду.

Как я лугом иду, травка никнет у ног,
Я с нее осыпаю росу на ходу,
И печальны цветы от неясных тревог, —
Травка никнет у ног, как я лугом иду.

Как я лесом иду, в сердце думу таю,
Я встречаю могучих дубов череду,
Там, как дома, я с пущею песни пою, —
В сердце думу таю, как я лесом иду.

Как я в хату войду, что-то душу гнетет,
Грусть приходит ко мне, накликая беду,
В отсыревшем углу только плесень цветет, —
Что-то душу гнетет, как я в хату войду.

1909

WHEN I WALK IN THE FIELDS

When I walk in the fields, the ears lean to me,
We converse, and my spirit to sweet sadness yields.
The ears hear my voice, in their dreams, it may be,
The ears lean to me, when I walk in the fields.

When I walk through the mead, the flowers lean to me,
And I scatter their life-giving dew as I tread.
They complain to me, full of some strange frailty;
The flowers lean to me, when I walk through the mead.

When I walk through the wood, proud thoughts then
I think,
When I see sacred oaks, which for centuries have stood,
And there, quite at home, with the forest I sing.
Proud thoughts then I think, when I walk through the
wood.

When I walk in my home, something drives me away—
Some pale grief creeps up, and the old sorrows come.
In the mouldering corner—some skeleton shade—
Something drives me away, when I walk in my home.

1909

ОТЦВЕТАНЬЕ

Не шумит полоса,
Не звенит в лугах коса,
Не кладутся в стог пласты,
Только сыплются листы
На ольховые кусты,
Осыпаются леса.

Не искрится даль небес,
Не цветет трава чебрец,
Птиц промчался караван,
Над землей встает туман,
Ветер бьет в немой курган,
Сонно шепчет темный лес.

Доля вольная идет,
То поманит, то пугнет,
Смотрит прямо в очи мне,
Сердце бьется в полусне,
Все же думка о весне
Сердцу голос подает.

1909

FADING

Ears of rye no longer swing,
Sharpened scythes no longer ring,
Hay to stacks no brown hands bring,
Only dying leaves take wing,
On the little firs they cling,
On the dry and feathery ling.

Heaven's vaults no longer shine,
Savoury grasses do not twine,
Bird-flocks chirp no cheerful sign,
Only mists creep up malign,
Winds above the dumb mound whine,
Darkly speaks the forest pine.

Weariness at freedom flies,
Fixes on the world its eyes,
Gently, or in frightening wise,
Here the heart half-sleeping lies,
In which betraying thoughts arise
Of soon approaching springtime skies.

1909

LOVE ME THEN, O MAIDEN MINE

Down the dale the waters wind,
In them fishes gleam;
Love me then, o maiden mine,
Like the fish the stream!

Lacking water, as you know,
Fishes can't survive;
Lacking love, the folk say so,
No full life you'll live.

Lacking love, there's no one shares
Happiness or woe;
You may weep a lake of tears—
No one wants to know.

He who loves, with feelings fine,
All things clearly sees;
Love me then, o maiden mine,
Bring my poor heart ease.

We'll live in this hut of mine,
And together sing;
All the world like heaven will shine,
Bright and true will ring.

I will fold you tenderly
With my loving care;
You will never find with me
Insults anywhere.

Life will be a flowered delight,
Near the sun we'll keep;
Sharing such a kindly fate,
Tears you will not weep.

ПОЛЮБИ МЕНЯ, ДЕВЧИНКА...

Плывет реченька долинкой,
Много рыбок в ней;
Полюби меня, девчинка,
Как рыбки ручей!

Как известно, без водицы
Рыбкам не прожить;
Без любви, как говорится,
Доли не добыть.

Без любви делиться горем,
Счастьем не с кем тут;
Вылей слез в беде хоть море —
Люди не поймут.

Кто ж полюбит, приголубит,
Все поймет душой;
Полюби меня, девчинка,
Сердце успокой.

Будем вместе красоваться,
Вместе песни петь;
Будет раем свет казаться,
Правдою светлеть.

Окружу тебя большою
Заботой своей;
Не узнаешь ты со мною
Горя от людей.

Будет радостно, отрадно
Мне с тобою жить;
В доле этой ненаглядной
Слез не будешь лить.

LOVE ME THEN, O MAIDEN MINE

Down the dale the waters wind,
In them fishes gleam;
Love me then, o maiden mine,
Like the fish the stream!

Lacking water, as you know,
Fishes can't survive;
Lacking love, the folk say so,
No full life you'll live.

Lacking love, there's no one shares
Happiness or woe;
You may weep a lake of tears—
No one wants to know.

He who loves, with feelings fine,
All things clearly sees;
Love me then, o maiden mine,
Bring my poor heart ease.

We'll live in this hut of mine,
And together sing;
All the world like heaven will shine,
Bright and true will ring.

I will fold you tenderly
With my loving care;
You will never find with me
Insults anywhere.

Life will be a flowered delight,
Near the sun we'll keep;
Sharing such a kindly fate,
Tears you will not weep.

5—131

Полюби меня, девчинка,
Только всей душой,
Не дай с горя мне завянуть
Сердце успокой!

1908—1910

Love me then, o maiden mine,
Love, and never cease,
Do not let me peak and pine,
Bring my poor heart ease!

1908-1910

ЛЕТО

Лето ты, лето, пригоже-цветистое,
Сколько отрады несешь ты с собой!
Стройно загоны бегут колосистые,
Пахнет приятно трава над рекой.

Косы звенят по лугам говорливые,
Кой-где на ниве и серп замелькал,
Песня послышалась наша тоскливая,
Эхо откликнулось, бор отвечал.

Шум доносился от леса одетого,
Солнце купалось в сиянии рос.
Эх, кабы счастья да радости к этому,
Эх, кабы горя поменьше и слез!

1908—1910

SUMMER

Summer, gay summer, how welcome your coming,
How many joys with your flowers you bring!
Graceful the waves through the rye-ears go running,
Sweet is the fragrance of grass by the spring.

Scythes on the meadows are whispering, ringing,
Somewhere a sickle in rye-fields gleams bright,
Sad songs of yearning I hear someone singing,
Back comes the echo—the woods have replied.

From the green forest there comes a faint humming,
Sunbeams are bathing in fresh gleaming dew.
Ah—if our happiness, too, were but blooming,
Ah—if our sorrows and tears were but few!...

1908-1910

ЗИМОЙ В ЛЕСУ

И легла ж тишина
В том бору за горой,
Хоть бы ветка одна
Всколыхнула покой.

Белый, чистый снежок
На сосновых ветвях,
В перелеске залег
На кустах и на мхах.

И замолк пташек хор,
Тишину бор хранит,
Только стукнет топор
Да пила зазвенит.

Это силой большой
Тешит душу мужик,
Рухнул дуб вековой,
И могуч и велик...

Дальше — глушь, тишина
В том бору за горой,
Хоть бы ветка одна
Всколыхнула покой.

1908—1910

WINTER IN THE WOOD

And quietude lay
On that wood past the hill;
I wish one branch might sway,
And nod to me still.

Fluffy flakes lightly toss
On the pines, and below,
On wormwood and moss
Lies a blanket of snow.

The bird-flocks are dumb,
As though night-time were here;
But an axe starts to drum,
And a saw squeaks just near.

That's a peasant, poor man,
Putting forth all his strength;
Great and mighty in span,
The oak falls full-length.

But beyond silence lay
On that wood past the hill.
I wish one branch might sway,
And nod to me still.

1908-1910

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Вольным гомоном сосен высоких
И туманами сонных низин,
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один.

Распусти золотистые косы
И холодный загон обогрей,
Разукрась луговые покосы,
Зерна новые в землю посей.

С бесприютной покорной землицей,
Как с невестой, навек обручись,
Разливайся зеркальной криницей,
По горам, по долинам струись.

По селеньям, полям рассыпайся
Животворной алмазной росой,
В цвете радуг веселых купайся,
Лаской наши сердца успокой.

И как, взор свой живой обновляя,
В день купальский ты светишь с высот,
Обнови славу нашего края,
Осчастливь его скорбный народ.

SONG TO THE SUN

With the free talk of high swaying pine-trees,
With the mists of the dale slumbering on,
With a tale of today and past ages,
We call to you, Sun, all as one!

Let down once again your gold tresses,
Warm the pasture-land chilled to the roots,
And cover the meadows with flowers,
And sow the good earth with new shoots.

With the simple submissive ploughlands
Join hands, for eternity wed.
Pour out for the folk sparkling streamlets
Down the hills and valleys ahead.

And scatter round cottage and cornfield
Small diamonds of living dew,
And bathing in brilliant rainbows,
Soothe our souls with caresses too.

And, dear Sun, as on Midsummer's Evening
You renew your life-giving gaze,
Revive all the countryside glories,
Enlighten our folk's gloomy days.

Let the poplars their thoughts everlasting,
Their lullaby-thoughts to us croon,
And then let these murmurs fly further
O'er the earth, o'er the sea, 'neath the moon!...

Look down from the tall singing pine-trees
On the mists where the winding streams run...
With a tale of today past ages,
We call to you, Sun, all as one!

April 26, 1910

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Вольным гомоном сосен высоких
И туманами сонных низин,
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один.

Распусти золотистые косы
И холодный загон обогрей,
Разукрась луговые покосы,
Зерна новые в землю посей.

С бесприютной покорной землицей,
Как с невестой, навек обручись,
Разливайся зеркальной криницей,
По горам, по долинам струись.

По селеньям, полям рассыпайся
Животворной алмазной росой,
В цвете радуг веселых купайся,
Лаской наши сердца успокой.

И как, взор свой живой обновляя,
В день купальский ты светишь с высот,
Обнови славу нашего края,
Осчастливь его скорбный народ.

Пусть нам яворы вечные думы,
Думы-байки шумят-шелестят,
Пусть несутся, летят эти шумы,
По всему белу свету летят.

Так спой же с раздолий высоких
На туман белорусских низин...
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один!

26 апреля 1910

SONG TO THE SUN

With the free talk of high swaying pine-trees,
With the mists of the dale slumbering on,
With a tale of today and past ages,
We call to you, Sun, all as one!

Let down once again your gold tresses,
Warm the pasture-land chilled to the roots,
And cover the meadows with flowers,
And sow the good earth with new shoots.

With the simple submissive ploughlands
Join hands, for eternity wed.
Pour out for the folk sparkling streamlets
Down the hills and valleys ahead.

And scatter round cottage and cornfield
Small diamonds of living dew,
And bathing in brilliant rainbows,
Soothe our souls with caresses too.

And, dear Sun, as on Midsummer's Evening
You renew your life-giving gaze,
Revive all the countryside glories,
Enlighten our folk's gloomy days.

Let the poplars their thoughts everlasting,
Their lullaby-thoughts to us croon,
And then let these murmurs fly further
O'er the earth, o'er the sea, 'neath the moon!...

Look down from the tall singing pine-trees
On the mists where the winding streams run...
With a tale of today past ages,
We call to you, Sun, all as one!

April 26, 1910

ПЕСНЯ СОЛНЦУ

Вольным гомоном сосен высоких
И туманами сонных низин,
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один.

Распусти золотистые косы
И холодный загон обогрей,
Разукрась луговые покосы,
Зерна новые в землю посей

С бесприютной покорной землицей,
Как с невестой, навек обручись,
Разливайся зеркальной криницей,
По горам, по долинам струись.

По селеньям, полям рассыпайся
Животворной алмазной росой,
В цвете радуг веселых купайся,
Лаской наши сердца успокой.

И как, взор свой живой обновляя,
В день купальский ты светишь с высот,
Обнови славу нашего края,
Осчастливь его скорбный народ.

Пусть нам яворы вечные думы,
Думы-байки шумят-шелестят,
Пусть несутся, летят эти шумы,
По всему белу свету летят.

Так сияй же с раздолий высоких
На туман белорусских низин...
Сказкой близких веков и далеких
Кличем, солнце, тебя, как один!

26 апреля 1910

SONG TO THE SUN

With the free talk of high swaying pine-trees,
With the mists of the dale slumbering on,
With a tale of today and past ages,
We call to you, Sun, all as one!

Let down once again your gold tresses,
Warm the pasture-land chilled to the roots,
And cover the meadows with flowers,
And sow the good earth with new shoots.

With the simple submissive ploughlands
Join hands, for eternity wed.
Pour out for the folk sparkling streamlets
Down the hills and valleys ahead.

And scatter round cottage and cornfield
Small diamonds of living dew,
And bathing in brilliant rainbows,
Soothe our souls with caresses too.

And, dear Sun, as on Midsummer's Evening
You renew your life-giving gaze,
Revive all the countryside glories,
Enlighten our folk's gloomy days.

Let the poplars their thoughts everlasting,
Their lullaby-thoughts to us croon,
And then let these murmurs fly further
O'er the earth, o'er the sea, 'neath the moon!...

Look down from the tall singing pine-trees
On the mists where the winding streams run...
With a tale of today past ages,
We call to you, Sun, all as one!

April 26, 1910

ЯВОР И КАЛИНА

Песней весны лебединою,
Скинувши зимние чары,
Шепчется явор с калиною
В грустной долине над яром.

Листики зеленью хвалятся,
Небо их речь понимает,
Чистой росой умываются,
Солнце лучом их ласкает.

В вечер молитву покорную
Вместе с землей посылают;
Тайно с ней в ноченьку черную
Месяца, звезд дожидают.

Смех им русалочий слышится,
Крик пролетающей птицы,
Слышно, как травы колышутся,
Плещут струею криницы.

Слышится музыка дивная
В грустной долине над яром.
Шепчется явор с калиною,
Скинувши зимние чары.

6 мая 1910

MAPLE AND HAZEL

With spring's song of swans returning,
And casting off winter's spell,
The maple to hazel is murmuring
On the bank of the mournful dell.

The greening leaves are all praising
The heavens in mutual tongue,
And the morning in dew is laving,
And revels in noonday sun.

To the setting orb obedient,
Which bids mother earth goodbye,
Mysterious in night's dark medium,
The moon and stars peep on high.

There's a sound of mermaid's laughter,
The flapping of night-bird's wings,
The wind swaying drunkenly after,
The splashing of crystal springs.

A wonderful music arises
In tales sleepy rushes tell...
The maple the hazel caresses,
And casts off the winter's spell.

May, 6 1910

МОЙ ДОМ

Мой дом — раздолье звездной дали,
Простор орлиный, вековой,
Где ветры битвы затевали
С косматой тучей грозовой.

Мой дом — тайник замшелой пущи,
Где сосны держат небосклон,
Где смех русалочий зовущий
Тревожит вечный, мирный сон.

Мой дом — песчаные отроги,
Где злой мороз, где зной печет,
Где рожь склонилась у дороги,
Где все смочил кровавый пот.

Мой дом — высокая ракита,
С осиной старою курган,
Где кости прадедов зарыты,
Где плачут ночка и туман.

20 мая 1910

MY HOME

My home is in free starry spaces,
Whose measure is known to eagles proud,
Where waves of wind go forth to battle
With clans of distant rough-maned cloud.

My home is in the mysterious marshes,
'Mid pine, and ash, and purling stream,
Where laughter of the sprites and naiads
Disturb my everlasting dream.

My home is in the sandy wastelands,
The suffering of the cold and heat,
Where strata turned up by the ploughshare
Are coloured with a blood-red sweat.

My home is in the prickly grasses,
The burial mound, with aspen dry,
Where bones of forbears lie decaying,
Where weep the mists and night's dark sky.

May 20, 1910

НАД ИМАТРОЙ

В суровом краю, между скал-исполинов
Река с водопадом вниз воды стремит;
Вуоксою речка зовется у финнов,
А Иматрой — сам водопад.

Клокочут, рокочут падучие волны,
На целые версты шум-грохот стоит,
Лишь скалы, как будто литые, безмолвны,
Да хвойная чаща молчит.

Беснуется Иматра, мчит мимо кручи,
Несет прямо к бездне волну за волной;
Как будто мохнатые хищные тучи,
Грызутся они меж собой.

Как будто в могилу, низвергнутся с кручи,
Там скрутятся, вспучатся страшным жгутом
Рассыплются радугой, пылью летучей
И вздыбятся новым горбом.

Сверкнут, озвереют, рванутся на скалы,
Все ужасы Дантова ада затмив;
И хлынут на волю — и сразу устало
Плывут средь покосов и нив.

Другие их сменят, и в пене и в громе
Извечно теснятся меж гулких громад;
Свободой своей и родимой Суоми
Взмыть словно бы к звездам хотят.

Стоишь и глядишь на кипящие воды
И слышишь, жалливой душою скорбя,
Как стонут они, будто вправь непогода,
И как бы все кличут тебя:

ABOVE IMATRA

the sombre-hued north, in miraculous Finland,
river cascades down the cliff-side tall;
ıoksa means river or streamlet in Finnish,
Imatra means waterfall.

ıey gurgle and bubble, these gay laughing waters,
or a verst or more their loud roar fills the air,
nd dumbly alone stand the cliffs like cast iron,
And silent the fir sapling there.

natra flies madly between rocky outcrops,
nd dashes away, wave on wave, below;
ike shaggy torn portions of distant rain-clouds,
Each swallows its prey as they go.

ogether they plunge into grave-like abysses,
nterweaving they rise in a rainbow cloud,
hey scatter in spume, and spatter in foam-drops,
Again, like a hillock, swell proud.

'hey glance and they gleam, they sprinkle the rock-face,
'o the utter amazement of all evil powers,
'hen, breaking away to their liberty quiet,
Flow gently through forests and flowers.

n their wake follow others, still seething and heaving,
Their thunder the calm of the scenery mars,
ls if they desired to fly off to their freedom,
And bring back Suomi the stars.

You stand and you gaze on these mutinous waters,
Your heart is then lulled, and your sorrows seem few.
You listen, struck dumb: with misfortune they're moaning,
And all seems to call out to you:

«Иди к нам, бродяга, оставь свою долю,
Покой вековечный дадим в забытьи;
Мы будем шуметь неизведанной волей
И с солнцем беседы вести.

Иди же, волна твое тело остудит,
Омоет, ошпарит, с собой унесет.
Народ про нас сказку сложить не забудет
И песню певец пропоет».

Так мрачно меж северных скал-исполинов
Река с водопадом вниз воды стремят;
Вуоксою речка зовется у финнов,
А Иматрой — сам водопад.

20 июня 1910

O come to us, lost one, and leave fate behind you,
In eternal forgetfulness onward you'll fly;
With unexplored freedom we'll roar forth together,
And converse with the sun in the sky.

Come, plunge in our waves, and your heart we'll envelop
In icy-cold waters, and fly swift along.
The folk won't forget to recount then our story,
And a poet will crown us with song.

It's so sad in the north, in miraculous Finland,
A river cascades down a cliff-side tall;
Vuoksa means river or streamlet in Finnish,
Imatra means waterfall.

June 20, 1910

РОДНОЕ СЛОВО

Под ярмом неправды многие столетья
Тихо и покорно жили мы на свете,
Жили и тянули свой ярем устало,
И страна родная неродною стала.

Не для нас и сосны по ночам шумели,
Не для нас и нивы в мае зеленели,
Оставалось с нами лишь родное слово,
Чтоб вести нас к счастью бытия иного.

И оно вело нас: кроткие душою,
Не пятнали дум мы злобой и тоскою,
Молча умирали, молча шли на муку
Для чужой корысти, под чужую руку.

Умирая дома или на чужбине,
Отданы гоненью, отданы кручине,
Словно в чаще темной, сбились мы с до[
И напрасно ждали от людей подмоги.

Все отнимут люди в черное ненастье,
Заглушат надежды, вырвут веру в счасть
Но того не вырвут, что нам мать певала,
Как бессонной ночью колыбель качала.

Не отнять у сердца молодого слова,
Не сковать вовеки никаким оковам,
Как не взять младенца от родимой груди,
Как отца у сына взять не смогут люди!

Ты сроднилось с нами, слово речи милой,
Словно ива с корнем, словно с солнцем и
Делишь с нами счастье, делишь с нами і
Словно мать родная с ласкою во взоре.

MOTHER-TONGUE

Underneath the yoke for centuries long,
Quiet and submissive under wrong,
So we dragged through life our heavy yoke,
And our land was seized by other folk.

Not for us at night the pines would sway,
Not for us the meadows green in May.
We were left our mother-tongue alone,
As a guide to happier life unknown.

So it led us: gentle we of heart,
In our thoughts cold malice played no part.
Dumb we went through torment, dumb we died,
'Neath another's hand, for other's greed.

Perishing in our village or elsewhere,
Persecuted, driven here and there,
In the darkest forest, lost we strayed,
Vainly waited for somebody's aid.

They tear all from us, malicious folks,
Tear out our belief and happy hopes.
But they cannot take what mother sang,
Songs which, sleepless, round our cradle rang.

They can't rob young hearts of those refrains,
Nor lock up those songs in heavy chains,
As they can't tear the child from mother's breast,
As the son from father's arms they can't cast.

You became as close, dear mother-tongue,
As the roots to willows, fields to sun.
You share happiness, and you share woe,
Only mother's looks can soothe us so.

Мы и сами даже никогда не знали,
Как тебя мы в сердце крепко сохраняли,
Как оберегали в счастьи и в несчастьи
От напрасной злобы, от людской напасти.

Ты вело нас в жизни с гордостью и славой,
Пред врагом ты низко шеи не сгибало.
Кто теперь со злобой над тобой смеется,
Тот подобен ветру, что в ракитах бьется.

Над тобой смеется, кто не знал от века,
Что такое думы, доля человека,
Кто по свету носит, зло и непритворно,
Вместо сердца — камень, а души — дым черный

Вечно будешь с нами жить ты в мире этом,
Речью миллионов говорить со светом,
Из золы былого, дней слепых, кровавых
Вырастать посевом самой светлой славы.

И рукой в мозолях тем родимым словом
В книге всех народов на странице новой
Белорус напишет о поре унылой
Горестную повесть Беларуси милой.

Декабрь 1910

We ourselves are even unaware
How we kept you in our hearts with care,
How we saved you, both in joy and pain,
From vain spite, and human stress and strain.

Gloriously you led us, and with pride,
Bold you faced the foe, and did not hide.
Those who at your power with jaundice jeer,
Like the wind in rushes now appear.

Those with malice mock, who never know
What a thought was like, nor brother's woe.
Those whose breast contains—with spite unfeigned—
Not a heart—a stone, a soul bestained.

You will live with us in this wide world,
As the speech of millions be unfurled.
From the bloody past, days blind with shame,
You will grow a crop of brilliant fame.

Then with horny hand, in native speech,
That new book, which every land will reach,
A Byeloruss will write, with pride, and hail
Our dear Byelorussia's bitter tale.

December 1910

КАК В ЛЕСОЧКЕ ЗАЦВЕТАЛИ...

Как в лесочке зацветали
Липа да калина,
Золотые сны слетали
Мы с тобой, девчина.

Колыхались и шумели
Вольные березы,
Зеленели, шелестели
Тростинки да лозы.

Как во поле наливался
Колос над межою,
Я встречался, обнимался,
Милая, с тобою.

И мелькали и сверкали
На покосах косы,
В цвету травы замирали,
Замирали росы.

Как поспела, *покраснела*
Ягода рябина,
Глянули вокруг несмело
Мы с тобой, *девчина.*

Под листвой *былинки спали,*
Бор зеленый гнулся,
И кричали в темной дали
Журавли да гуси.

3 июня 1911

WHEN THE LIMES BURST INTO LEAF

When the limes burst into leaf,
Hazel buds unfurled—
Golden dreams we used to weave,
You and I, my girl.

Breezes blew and swayed and bent
Silver birches free,—
Whispered then, and rustled then
Sedge and river reed.

When the wheat was to your breast,
When the rye ears curled,
Then we met, and we caressed,
You and I, my girl.

Glinted, gleamed the scythe's sharp blade
All the meadow through,
And the flowers began to fade,
And to fade the dew.

When the rowans ripened fair,
Blood-red berries twirled,
Then we glanced around us there,
You and I, my girl.

'Neath the leaves the heather lay,
Forest finery died.
Somewhere faint and far away
Cranes and geese-skeins cried.

June 3, 1911

ЖНИЦА

Гордо, как царица
В золотой короне,
Шествует в веночке
По меже зеленой.

Из колосьев спелых
У нее веночек,
Сама молодая —
Как в саду цветочек.

Розовая кофта
На жнице счастливой,
Серп в руке зубреный
Со стальным отливом.

Обнимает ветер
Жницу молодую,
Ей лицо и шею
Ласково целует.

Ей кругом колосья
Кланяются в ноги,
На нее дивится
Груша у дороги.

А она, царица,
Весела, счастлива,
Прославляет песней
Золотую ниву.

И навстречу солнцу
Шествует, сияя.
Это наша жница,
Дочь родного края.

21 июня 1911

THE REAPER

Like a very empress
In her golden crown,
She goes in her garland,
Where the rye hangs down.

From rye-ears her garland—
Witness to her youth—
Like a flower in the garden,
Shines on her in truth.

What a happy bosom
In her rosy vest!
In her hand a sickle,
Toothed, of steel the best.

And the breeze embraces
Her young waist as it flies,
And sunrays kiss her,
Neck, and face and eyes.

Ripened ears are bending,
Low before her bow,
While the pear-trees wonder
By the grass path now.

She, just like an empress,
Happy, bright and gay,
With a song be-girdles
Golden sheaves today.

Boldly 'neath the sunshine,
And herself a sun,
Here she goes to the reaping
In our land begun.

June 21, 1911

ЗА СВОБОДУ СВОЮ

За свободу свою
Всей душой постою.
И в огонь и в беду
За нее я пойду.

Лучше тело отдам
Замогильным червям,
А свободу забыть,
Словно душу зарыть.

В сердце, в думах своих
С самых лет молодых
Я свободу растил
И, как ниву, любил.

Гей, ты, гей, ветер, пой
О свободе людской.
Гей, ты, гей, бор, шуми,
О свободе греми!

Гей, ты, солнце, гори
От зари до зари.
Все расплавь и спали
Путы-цепи земли!..

13 июля 1911

FOR THIS FREEDOM OF MINE

For this freedom of mine
I will fight all the time;
Fire and water go through,
But remain to her true.

Let my foes do their worst,
Let them bury me first,
But let freedom stay free,
And not know grief, like me.

In my thoughts, in my heart,
From my youth, from the start
Guarded, freedom has grown,
And I call her my own.

Hey, you wind on the wing,
Of my freedom now sing!
Hey, you woods, raise your voice,
And with freedom rejoice!

Hey, you sun there, burn bright,
From the morning till night.
Melt all chains, and flood forth
With full freedom on earth!

July 13, 1911

ОБРУЧЕНИЕ

Далекой, нелегкой гонимы ходьбой,
Под елкой высокой мы сели с тобой,
Как царь и царица;
Мохнатый, нежатый сох вереск у ног,
Спал ржавый, шершавый под шишками м
Над темной криницей.

По сучьям колючим ползала дереза,
Блестела несмело роса, как слеза,
По листьям ольховым;
Короной зеленой дед-бор потрясал
И шумным раздумьем законы писал
Негаданным словом.

Нам молча, как ночью, мерцали огни,
Меж елей темнели подгнившие пни,
Как стража немая;
И тихой лосихой маячила тень,
За горы, в просторы клонился наш день,
Минуты считая.

Тем часом сгущался настой тишины,
И полночь на помощь пугливые сны
Спешила покликать...
Под елкой высокой ты встала, я встал...
Над нами суками сыр-бор хохотал
Без памяти дико...

14 июля 1911

BETROTHAL

Worn out, not a doubt, by the long tiring walk,
Beside the tall pine we sat down without talk,
Like a queen and a king;
The heather, rough as ever, sprang dry at our feet,
The floss of the moss 'neath the cones lay asleep
Above the dark spring.

On the brushwood the club-moss crept far and near,
And timidly glistened the dew, like a tear
On long willow leaves;
With his crown, green and brown, grandad forest swaye
And rustling and wondering wrote laws which he ma
In words none conceives.

For us, quiet as night, twinkled many a light,
The mouldering, smouldering tree-stumps gleamed brigh
Like soldiers on guard;
And calmly and balmily, down sailed the shade,
Over hill, over dale, and our day had to fade
As slow minutes passed.

Now lay on time's way the dark, dumb and deep,
And midnight, assistant, frightening sleep
Unmeaningly called...
From under pines thunder you rose, and I rose...
Above us the rumble of branch-music rolled
Unconsciously wild...

July 14, 19

ТЫ ПРИДИ...

Ты приди ко мне весною,
  Веткою приди;
Зацвети со мной красою,
  Думу разбуди...

Ты приди ко мне и летом,
  Колосом приди.
Песней жинвной, теплым ветром
  Думу услади...

Ты приди ко мне зимою,
  Солнышком приди.
Дивной сказкой золотою
  Думу пробуди...

Ты приди ко мне под осень,
  Звездочкой приди.
В мир далекий с шумом сосен
  Думу уведи...

Ты приди и на могилки,
  Веткою приди.
Белой ручкой клешик хлипкий
  Нежно посади.

28 июля 1911

COME TO ME

Come to me in spring's gay time,
    Like a flower come:
Bloom in beauty and be mine,
    Wake my thoughts yet numb...

Come to me in summer-time,
    Like a wheat-sheaf come,
With your songs of harvest fine,
    Slake my thought's dry tongue.

Come to me in autumn-time,
    Like a star then come.
Far away, like the swinging pine,
    Shake my thoughts so glum.

Come to me in winter-time,
    Like the shining sun,
Like a fairy-tale, a rhyme,
    Make my thoughts then run.

Come to me, stand by my grave,
    Like a flower come.
With white hands a maple brave
    Stake above me, dumb.

July 28, 1911

НАД РЕКОЮ...

Над рекою веснною
Расцветала калина.
А в селе за рекою
Вырастала дивчина.

Пчелы к веткам калины
Прилетали из улья.
До дивчины-малины
Добирался Януля.

Над рекой, где калина,
Бабы лен теребили.
А в селе, где хлопчина,
Уж в поход затрубили.

Перестала калина
Во цветы убираться.
Перестала дивчина
С ненаглядным встречаться.

Увядает калина.
Не летают к ней пчелы,
Усыхает дивчина.
Взгляд ее — невеселый.

По реке волны гнали
Ветки голой калины.
Люди в речке искали
Тело бедной дивчины.

Над рекою весною
Расцвела вновь калина.
А под ней, под землею,
Не проснется дивчина.

1911

BY THE RIVER A-QUIVER

By the river a-quiver
A rowan-tree grew;
In a hut near the river
Grew a lovely girl too.

To the rowan-tree blooming
A cuckoo there flew;
The young girl in the gleaming
Yanka came to woo.

By the riverside rowan,
Before mowing was done,
Bugles started a-blowing,
For Yanka beat the drum.

Then the rowan no longer
Such fine flowers had;
And the maiden would linger
Alone with no lad.

And the cuckoo was weeping,
That the berries went pale;
And the mother was grieving
That the maiden was ill.

With dead rowan twigs round her,
Her corpse someone spied...
In the river they found her,
With pale arms thrown wide...

By the river a-quiver
Anew the rowan-tree grew;
In the damp soil beneath her
Slept our maiden so true.

1911

МОЛОДАЯ БЕЛАРУСЬ

Вольный ветер напел вольных песен тебе,
Бор зеленый взметнул дружным гомоном,
Солнце звало к посевам, к их славной судьбе,
Звезды в сердце сияли надломленном.

В час великих надежд, бурь и тягостных дней
Зацвела, расцвела, долгожданная,
И криницей живой над отчизной своей
Поплыла, потекла, несказанная.

Поплыла, потекла, сказку жизни струя,
Полем, лесом, горой и долиною...
Вся в цветах-перелесках корона твоя,
Вся ты, вся — чистота лебединая.

И горишь, и гуслярскою песней звенишь,
Вспоминаешь прошедшее давнее,
На просторных путях ты сегодня стоишь,
Смело смотришь в грядущее тайное.

Вся в сиянье идешь, как живой огнецвет,
Сеешь ласково сны золотистые,
Не пугает тебя зарубежный сосед,
Не пугает дорога тернистая.

От межи до межи, от озер до криниц
Обновленья напевы расходятся,
Радость-мать обнимает сердца без границ,
И для нас лучший день ныне родится.

Уж не так топоры, удаляясь в боры,
Валят сосны зимою морозною,
Уж не так косари от зари до зари
Раззвенелись порой сенокосною.

YOUNG BYELORUSSIA

The free wind sang its song of freedom to you,
The green wood spoke to you in its friendly voice,
The blazing sun called you forth to the sowing anew,
The stars bid your broken powers to hope and rejoice

In the hour of storm and distress, when expectant you stoc
Your long-awaited freedom budded and flowered,
Like a spring burst forth on its native land in flood,
And floated and flowed unceasing throughout the hou

It floated and flowed like a brilliant tale of life,
Through field and forest, through mountain range and da
And out of its snowdrops it fashioned your coronet brigl
Itself all of white, in swan-down beauty pale.

You ring and shine with the songs which your bards still pla
Your dim and distant past you remember too:
The present does not stop on its forward way,
And boldly the secrets held by the future you view.

You boldly walk 'neath the sun, like a flower a-flam
With caressing hands, you scatter your golden dreams;
For you not frightful your border neighbours became,
For you not frightful life's thorny pathway seems.

From border to border, across the land as a whole,
The breeze of renovation floats on the morn;
Unendingly mother-joy caresses your soul,
Because a brighter and better day is born.

No longer the axes ring in the green forest so,
But in winter they clear the dried-up brushwood awa
No longer from dawn to dawn do the tired reapers go
In summer sharp scythes ring out a reasonable day.

Крепнет сила в руках, льется песня без слез,
Грудь надеждою славной колышется,
Это новый закон прочно перьями кос
Навсегда и по-новому пишется.

Расцветай же, вздымай на орлиных крылах
Душу, сердце и думы заветные,
Вызывай, выкликай на простор, на размах
Силы, ведьмой-петлей не задетые.

Высылай, рассылай ты по свету гонцов,
Как с гнезда соколиного соколов,
Пусть летят, долетят до бойцов-удальцов,
Пусть гремят вестью в далях и около.

Долго в поле, в лесах ты, сторонка, и так
Сиротой ночевала, забытая,
Много крови твоей выпил кривды червяк,
Кости ветер точил непокрытые.

Соколиная ввысь поднимайся семья
Над крестами отцов, над курганами,
Занимай, Беларусь молодая моя,
Красный угол в семье меж славянами.

1911—1912

A new hardening's in hand, and songs without tears are heard
The breast of glory swells with great hopes and plans,
With scythes as pens skilful people write the new word
New laws in the book, which for future ages will stand

So blossom, and soar on high on the eagle's wings
Of your spirit, your heart, and your slumber-heavy thought
And summon forth to wide steppes where the wild wind
swings
That strength which in the hag's-noose was never caught

Send out, spread out your envoys upon the wide earth
Like falcons from the nest their path let them choose,
And let them to those old warrior-braves fly forth,
And let them thunder everywhere, bringing good news

Long enough, my land, in the forest and field, in the dark
You slept overnight, like an orphan forgot on the stones,
Long enough the worm of falsehood sucked blood from
your heart,
And the cold winds corroded away your uncovered bones.

Arise from the lowlands, my family of falcons, arise!
Above your fathers' graves, above woes untold,
And take my young Byelorussia, your rightful prize,
Your honoured place among peoples of all the world!

1911—1912

ВЫЙДИ...

Выйди, сторонка моя, из недоли,
Не покоряйся ты зимнему сну,
Полно вздыхать и томиться в неволе!
Выйди в луга и в зеленое поле,
Выйди, чтоб встретить весну!

Скинь все лохмотья, что долгие годы
Тело твое истомили в плену,
Выйди на волю из зимней невзгоды,
Крепко сковавшей свободные воды,
Выйди, чтоб встретить весну!

Злобные вьюги, крутясь над полями,
Вырыли яму тебе не одну.
Ночью и днем заметали снегами...
Видишь—снега побежали ручьями?
Выйди, чтоб встретить весну!

Северный ветер свистел над тобою,
Ветви ломал, нагибая сосну,
С запада звери к нам шли чередою
Рвать твою грудь... Ты осталась живою.
Выйди, чтоб встретить весну!

В школе детей лишь неправде учили,
Мучили, гнали к могильному сну,
Все уверяли, что ты уж в могиле.
Только свет солнца измену осилил.
Выйди, чтоб встретить весну!

Ясная сердцем, оденься цветами,
Пташкой свободной порхни в вышину,
Солнцем разлейся, рассыпься звездами,
Славой и песней разлейся над нами,
Выйди, чтоб встретить весну!

OUT NOW!

Rise, my dear country, my motherland captive!
No more to slavish cold slumbers now cling,
No more of crying and sighing inactive,—
Out now upon the green fields in your masses,
    Out now to welcome the spring!

Cast off those rags which for years you've been wearing
Wandering by campfires, through wormwood and ling;
Out from the winter's severe domineering,
Which has above you for ages been jeering,—
    Out now to welcome the spring!

Blizzards dug traps for you, snow in a welter
Scooped out abysses, and pitfalls a string;
Snowdrifts piled up round your rough nightly shelter...
See, now, they're melting, the stream's helter-skelter...
    Out now to welcome the spring!

North winds at midnight above you went sweeping,
Scattered down leaves, and made bare branches swing;
And from the west the wild beasts all came creeping,—
Tore at your breast... But still you are breathing,—
    Out now to welcome the spring!

Even your children, made blind by injustice,
Hounded and hunted till death's final sting,
All were told tales—you were dead as the dust is,—
Only the lie was set right by the sunshine...
    Out now to welcome the spring!

Bright and light-hearted, bedizened with flowers,
Soar to the heights, like free birds on the wing,
Pour forth like sunshine, like star-spangled showers,
Fill with your songs this dear country of ours,—
    Out now to welcome the spring!

Терны взяла ты себе для короны,
Храм твой — лишь небо да нив ширина,
Царство — просторы равнины зеленой,
Слуги — мозолистых рук миллионы...
    Выйди, уж близко весна!

10 марта 1912

Briar on your brow for a coronet passes,
Your only temple—the sky where birds sing,
Your only kingdom—the meadows and grasses,
Your only servants—rough hands of the masses...
Out now... it almost is spring!...

March 10, 1912

ЖЕЛАНИЕ

Всюду с народом вести разговоры,
Слушать биение сердца его —
Это одна мне в жизни опора,
Больше не надобно мне ничего!

Выдумать ясную песню-отраду,
В каждой избушке с ней вместе гостить —
Только такое мне счастье и надо,
Только тогда я не стану грустить.

Да не погубят обиды живую
Душу народа, что встанет от сна, —
Этой надеждой только живу я,
Только такая мне снится весна.

К ясному солнцу из тьмы беспросветной,
К славе народ за собою вести —
Эту дорогу ищу я на свете
И не желаю другого пути.

Только за счастье родимого края,
Что побеждает в великой борьбе, —
Только такой себе смерти желаю,
Доли такой я желаю себе.

25 октября 1912

MY WISHES

With the whole folk to maintain conversation,
Hearing the beating of every heart,
All through my life that was my aspiration,
Played in my fate its supporting part.

Songs to compose, just as clear as the heavens,
With them warm welcome receive and give,
Only such riches as that do I treasure,
Only with feelings like that can I live.

Only with such deep hope I am taken—
Choking offences must not be the fate
Of that living soul of the folk which awakens—
Only such warmth in the spring I await.

To the bright sun, from the darkness of weeping,
To glory, from shame wrought on all of our folk,
Such is the throne which my spirit is seeking,
Such is the God whom my soul could invoke.

For a fair share for my dear native country,
And for my brothers who take up the fight,
Such is the death that I'd like to encounter,
Such is the memory that I'd leave behind.

October 25, 1912

БУДЬ СМЕЛЫМ!..

Будь смелым!.. Недоли ярмо разбивай!
Вперед выходи и других подымай!

Будь смелым! Словам не вверяйся пустым!
Верь только отваге да силам своим!

Будь смелым, хотя бы в цепях у врагов,—
И цепь не страшна для отважных бойцов!

Будь смелым, как ветер, как воля сама.
Знай, смелых не тронет ни кривда, ни тьма.

Будь смелым, как буря, что скалы крушит!
Будь смелым — и правда твоя победит!

3 июля 1913

BE BOLD!...

Be bold!... Break in pieces the powerful yoke!
Go bravely ahead, and arouse other folk!

Be bold!... Heed no lies which rich people have sown,
And trust your own powers and courage alone!

Be bold, though the foes heavy chains for you make,—
Your cohorts of warriors those fetters will break!

Be bold as the wind, and as free as the wave!
Remember that wrong never touches the brave!

Be bold as the storm, which an oak can prostrate,
And you will be masters alone of your fate!

July 3, 1913

ТОЛЬКО С ПЕСНЕЙ...

Только с песней я счастлив бываю
И, как жизнь, ее в сердце несу,
Только песню творя, постигаю
Всю великую мира красу.

Средь светил без конца и без края
Во вселенной витает мой дух;
Как во сне все миры озирая,
Я всю жизнь обнимаю вокруг.

И над душами тех, что забыли
Свое счастье средь бед и тревог,
Небывалые, светлые были
В этот миг сотворить бы я мог.

Я бы стрелы метал с небосвода,
Те, что в тучах бушуют огнем,
Дух усталый родного народа
Пробуждал, потрясал бы, как гром.

Млечный Путь я бы сбросил без страха
К нам на землю с небесных дорог,
Чтоб он светлым, серебряным шляхом
Через нивы родные пролег.

Солнце факелом взяв себе в руки,
Озарил бы я сумрачный дол,
И Путем бы я Млечным без муки
Человечество к счастью повел.

песне дух молодеет высокий,
олько в песне живу и дышу,
оть и кровью своей эти строки,
ровью сердца горячей пишу.

июля 1913

ONLY BY SONG

Only by song I live glad on this planet,
Only for her sake I trample the dew;
After a song I have captured and mastered,
Then I achieve life's full beauty anew.

One with the light of the whole world and heavens,
Like light itself, then my spirit may soar;
Then I look round on those worlds as if dreaming,
And I embrace life entirely once more.

About those souls who destroyed joyful tidings
Long long ago in perennial plight,
I would create an incredible story,
Telling of undying gladness and light.

I would seize hold of the golden-bright lightnings,
Flashing their fire when the dark storm-clouds break,
And with my arrows the weak people's spirit
I would inflame, and with thunder would shake.

That Milky Way which is spread across heaven,
I would take down, and re-lay on the earth,
And I would make out of it a new roadway,
Right through our fields and the place of my birth.

Grasping the fiery sun in my fingers,
The orb which burns o'er the boundless mead,
Over that Milky Way, with no trouble,
Man to his happiness then I would lead.

Only by song does my spirit grow younger,
Only by song in this life I take part.
Though I write out in my blood these few verses—
In the burning blood of my aching heart.

July 20, 1913

А ОНА...

Так ее одарил я любовью своей,
Так отрадно смотрел ей в печальные очи,
Как не смотрит и солнце в раздолье полей,
Как не светят и звезды нам ласково ночью!

Так голубил голубку, так нежил, грустя,
Так ей грудь согревал своим сердцем, радея,
Как, наверно, и мать не голубит дитя,
Как озябших в пути и костер не согреет!

И я столько ей песен заветных напел,
Столько дум передумал о ней потаенных,
Как под ветром и бор никогда не шумел,
Как вовек дум таких не сложил для достойных!

Я ей в сердце построил подобье дворца,
Из любви я ей создал такую корону,
Что и небо с землею по воле творца
Не имели таких ни короны, ни трона!

В честь и солнца, и звезд славил я ее взор,
Днем и ночью взывал к ней с мольбой молчаливой,
Как не славит и мудрость вселенной простор,
Как не тужит и чибис в мольбе сиротливой.

Стало мне ее счастье — как счастье свое,
Был мне образ ее — как из повести дивной,
Жизнь свою положил я к подножью ее...
. . . .
она?.. А она была только... девчина!..

июля 1915

AND SHE?...

With such sincere love in my heart I embraced,
So tenderly looked in her eyes' sad light,
As the sun does not even bright meadows embrace
And the stars do not shine for good people at night

I so lulled my pigeon, caressed my sweet dove,
So warmed with my own orphan heart her cold breas
As a mother does not lull a child with her love,
As a bonfire does not warm the frozen at rest.

So many songs upon songs which I sang,
So many thoughts of her, secret affairs,
As a forest bestirred by the wind never rang,
As a century couldn't think up for its heirs!

Such a throne in my heart then for her I devised,
Such a crown I placed soft on her brow, of pure lov
As heaven and earth, by the Lord God apprised,
Must never acquire here below, or above.

I so praised her up to the stars and the sun,
I so day and night begged and prayed to her too,
As wisdom ne'er praised starry vistas, no none,
And peewits don't pray in the summer for dew.

I made her my happiness, great, whole, and sweet,
A magic princess to set heads in a whirl,
And the whole of my life I spread under her feet,

. . . .

And she?... She was after all—just a girl...

July 7, 191

ОТЧИЗНА

Меня связала нить и с небом и с землей —
Никем не расторжима связь та вековая;
Как сына, бережет меня земля родная,
И солнцу я открыт и сердцем и душой.

Еще от колыбельных песен надо мной
Я все здесь полюбил от края и до края:
Частицей родины себя я ощущаю
И в сердце берегу лучи звезды родной.

Да, мной земля моя родимой может зваться,
Других себе не заставляя покоряться,
Здесь, словно к матери, я прижимаюсь к ней.

Но если надо мной враги глумятся —
Глумятся, значит, и над родиной моей,
Когда ж над ней — в сто крат мне это тяжелей.

1915

MOTHERLAND

With earth and sky a fine thread knits me one—
An everlasting web, for ever whole.
This earth still nurtures me, as her true son,
And in the sky the sun still soothes my soul.

In childhood's crib, from songs I learned my dreams
Of places near and dear, but cramped for me:
I am a millionth part of these dear meads,
And in my breast, my native star I see.

In you, kind motherland, myself I found,
Grew out of you, but strangers did not scorn,
And like a mother's breast, I hugged this ground.

And if at me somebody mocks, low-born,
He mocks at you, my motherland, you see,
And then the offence is heavier still for me.

1915

МОЯ ВЕРА

Не верю идолам поганым,
Чей вид и страшен и суров.
Не верю доскам деревянным,
С мазней дешевой маляров.

Не верю купленным пророкам,
Что за гроши народу лгут,
А сами смотрят жадным оком,
Червонцев много ль им несут.

Не верю фокусников чуду
Всех, всех народов и веков,
Что в ход туман пускают всюду
На одураченных слепцов.

Не верю в тишину часовен,
Стоящих на крови людской,
Где цепи тяжкие готовят,
Чтоб заковать в них дух живой.

Ни за какую плату, меру
Их чарам не поддамся я...
В народ и край свой только верю
И верю в самого себя.

MY BELIEF

I don't believe in pagan idols
Which carvers fashion of the saints;
I don't believe in painted icons
Which artists daub with coloured paints.

I don't believe in purchased prophets,
Who from the pulpit lie for gold,
And look with greedy grasping glances
For the biggest penny their purse can hold.

I don't believe the wonder-workers
Of any race or age, whose lies
Most cunningly they spread around them,
And throw the dust in blind men's eyes.

I don't believe in carved stone chapels,
They're sanctified with human blood,
They chain a man in abject serfdom,
Make living souls like blocks of wood.

I won't give way to such black magic,
No, not for any prize, nor pelf.
I just believe in simple people,
And in my land, and in myself.

НАСЛЕДСТВО

Мне испокон веков дано
Наследство драгоценное,
Как ласка матери, оно
Всегда со мной, нетленное.

О нем мне шепчут сказки-сны
Весенние проталины,
И шелесты вершин лесных,
И дуб, грозой поваленный.

Напомнят клекотом о нем
Мне аист над ракитою,
Замшелым, стареньким плетнем —
Деревни, в рощах скрытые,

Вороньи стаи, что кричат
На деревенском кладбище,
И неумолчный крик ягнят
За речкою, на пастбище.

И сердце у меня одной
Заботою охвачено:
Наследство, что хранимо мной,
Напрасно не истрачено ль?

И в глубине моей души,
Как пламя негасимое,
На всех путях, во тьме, глуши
Горит оно, родимое.

С ним думы все мои давно,
И сны, и песни звонкие...
А называется оно
Родимою сторонкою.

19 ноября 1918

HERITAGE

From ancestors far back in time
I have a heritage to bless;
Mid strangers or mid friends of mine,
It's like a mother's soft caress.

About it whisper fabulous dreams,
And spring's first thaw, where sunshine warms,
And rustling wood's autumnal gleams,
And oaks cast down by thunderstorms.

About it I'm reminded too,
By storks a-clattering on the limes,
By moss-grown rickety fence, which through
The village pathway dips and climbs.

The bleating of shorn lambs nearby,
On river pastures meadowy,
The flocks of crows which hoarsely cry
Above the grave-filled cemetery.

In day's broad light, at dead of night,
I'm on the watch most tirelessly,—
Do some this wealth not cast aside,
Do parasites not waste it carelessly.

And in the depths within my soul,
Like flames of fire, unquenchably,
In darkest place, in narrowest dale,
It shines for me unendingly.

My thoughts live there since long ago,
I dream with it, this wonderland...
My heritage, called simply so:
My own beloved motherland.

November 19, 1918

НАСЛЕДСТВО

Мне испокон веков дано
Наследство драгоценное,
Как ласка матери, оно
Всегда со мной, нетленное.

О нем мне шепчут сказки-сны
Весенние проталины,
И шелесты вершин лесных,
И дуб, грозой поваленный.

Напомнят клекотом о нем
Мне аист над ракитою,
Замшелым, стареньким плетнем —
Деревни, в рощах скрытые,

Вороньи стаи, что кричат
На деревенском кладбище,
И неумолчный крик ягнят
За речкою, на пастбище.

И сердце у меня одной
Заботою охвачено:
Наследство, что хранимо мной,
Напрасно не истрачено ль?

И в глубине моей души,
Как пламя негасимое,
На всех путях, во тьме, глуши
Горит оно, родимое.

С ним думы все мои давно,
И сны, и песни звонкие...
А называется оно
Родимою сторонкою.

19 ноября 1918

HERITAGE

From ancestors far back in time
I have a heritage to bless;
Mid strangers or mid friends of mine,
It's like a mother's soft caress.

About it whisper fabulous dreams,
And spring's first thaw, where sunshine warms,
And rustling wood's autumnal gleams,
And oaks cast down by thunderstorms.

About it I'm reminded too,
By storks a-clattering on the limes,
By moss-grown rickety fence, which through
The village pathway dips and climbs.

The bleating of shorn lambs nearby,
On river pastures meadowy,
The flocks of crows which hoarsely cry
Above the grave-filled cemetery.

In day's broad light, at dead of night,
I'm on the watch most tirelessly,—
Do some this wealth not cast aside,
Do parasites not waste it carelessly.

And in the depths within my soul,
Like flames of fire, unquenchably,
In darkest place, in narrowest dale,
It shines for me unendingly.

My thoughts live there since long ago,
I dream with it, this wonderland...
My heritage, called simply so:
My own beloved motherland.

November 19, 1918

ПОЕЗЖАНЕ

Разлетелась по просторам
Снежным пухом, тайным вором
Дым, поземка, завируха —
Злого духа злобедуха...

В поле дымко и тревожно,
Беспокойно, бездорожно...
Ни ночлега, ни путины,
Грозен сумрак домовины.

Как по морю, в пене снега,
Без костра и без ночлега,
В замороженном тумане
Едут, едут поезжане.

Едут... едут... след развеян...
Глуше, тише и темнее...
Ни надежды, ни просвета,
Только вьюга, только ветер.

И колдунья-завируха
Что-то шепчет, шепчет в ухо
О рожке, что в ночь взывает,
О пшеничном каравае.

Дразнит снеговым ночлегом,
Задыхается от смеха...
Лезет в сердце, лезет в очи,
Машет пугалом из ночи...

Молодого к молодухе,
Свата — к сватье-поседухе
Страх друг к другу прижимает,
Свищет, розвальни качает.

TRAVELLERS

Crawling over wide expanses
Like cold down or a frozen dream,
Some bad spirit, a wizard-blizzard,
Whirls with white and pallid gleam.

All is hazy, dark and crazy,
No way through, just hopeless gloom;
Not a path, and not a tavern,
Just like the eternal tomb.

Like at sea, in waves of snowflakes,
Resting not by day nor night,
O'er the roadless, inn-less wasteland
Fellow travellers ride and ride.

Ride and ride, and leave no sleigh-tracks,
Not a sound, no sun breaks through;
Lightless groping, no use hoping,
All in gloom, and all in snow.

Creeping, crawling, the wizard-blizzard
Whispers, whispers round your head,
Something about a flute-musician,
Or a hearth-warm loaf of bread.

Promises a snow-bound shelter,
Scatters down his flakes and dreams,
Fills your eyes, and chills your bosom,
Penetrates everywhere, it seems.

Handsome lad, and pretty maiden,
Two match-makers, left and right,
Friend and lady-friend all huddled,
Cuddled together in a fright.

Прижимаются, как дети,
Как голубки на рассвете...
Нету свету, нету следу...
И все едут-едут-едут...

А над ними завируха,
Пополазунья, злобедуха
Раскачнулась снежной вехой,
Задыхается от смеха...

27 декабря 1918

Snuggling up like little children,
Just like pigeons at dawning light,
Just as if they would know nothing,
But just ride, and ride, and ride.

While above them the wizard-blizzard
Turns and twists, and flits and flies,
Shakes on them his snowy mantle,
And with laughter nearly dies!

December 27, 1918

СВЕТАЕТ

Эй, будет храпеть вам! Вставайте!
Глядите — светать начало.
Скорее же солнце встречайте:
Несет оно свет и тепло.

Оно сердце нам разогреет,
Откроет глаза нам на свет,
Оно сон дурной наш развеет,
Веселый послав нам привет.

Довольно, всю ночку проспали,
Довольно, побыли во мгле;
Глядите — расчистились дали,
Свет солнца царит на земле!

Начало 1919

IT GROWS LIGHT

Hey, quit sleeping, I say! Come, arise!
Look, already it starts to grow light.
Hurry out, hurry out 'neath blue skies,
For the sun's shining warmly and bright!

And it gladdens the heart in our breast,
And it opens our eyes on the day,
And our dreams it disperses like mist,
Greets us merrily now on our way.

Hey, enough! You have slept all night through.
Hey, enough! From the darkness come forth.
Look, the night's disappeared in the blue,
And the sunshine rules over the earth.

Early 1919

В напев мой — от шепота спелых колосьев,
От шелеста яблонь, черемух и груш —
Неслыханной музыки эхо лилося,
Сливаясь со стоном обиженных душ.

Шум древнего бора таинственным сказом
О жизни, о счастье мне смутно шептал,
И песню шум-говор захватывал сразу,
Заснувшие думы от сна пробуждал.

А солнце, что в небе безоблачном тонет,
Вливалося в песню лучистым огнем;
А ветер, что травы высокие клонит,
Дал крылья, чтоб песня взлетела орлом.

В той песне могучую силу взрастили
И цеп, и топор, и стальная коса;
Жара и морозы ее закалили,
И песня гремит, словно гром в небесах.

Так я, ни науки, ни школы не зная,
Отыскивал дар свой и долю свою.
Теперь моя дума, как сокол, летает,
Теперь я свободно и гордо пою.

29 августа 1919

And for my refrain, from the ripe rye-ears blowing,
From rustling of leaves on the half-hidden pears,
The echoes of infinite music came flowing,
And merged with the groaning of souls, and with tears.

The ancient oak-forest its fairy-tale scattered,
Of life's hidden mystery vaguely it spoke.
My song by its murmuring straightway was captured,
And long-dormant thoughts from oblivion awoke.

The sun, sowing beams, and its bright rays extending,
Illumined my song with its light from on high,
And the breeze which the grain and the grasses was bending,
Gave my song eagle's wings, that it boldly should fly.

The flail and the axe, and the scythe's whetted sharpness,
A mighty and warrior-like power bestowed;
The heat and the frost gave it unheard-of hardness,
And my song, like a peal, like a thunder-clap rolled.

So knowing not otherwise learning nor schooling,
I sought in the darkness, and found it ere long;
And now treasured thoughts like hawks can go soaring,
And now, Byelorussia, I've mastered your song.

August 29, 1919

ГДЕ ТЫ, ХМЕЛЬ МОЙ, ЗИМОВАЛ?..

«Где ты, хмель мой, зимовал,
Что не распускался?
Где ты, сын мой, почевал,
Что не разувался?»

«Зимовал я в той стране,
Где бураны дули;
Ночевал я на войне,
Где гуляют пули».

«Где ты, хмель мой, летом цвел,
Что дождя не ведал?
Где ты, сын мой, день провел,
Что и не обедал?»

«Цвел я там, где дни стоят
Знойные, сухие;
Там дневал я, где гудят
Пушки боевые».

«Ты зачем, мой хмель, терпел
Зной и холод лютый?
Для чего, сынок, летел
С песней на войну ты?»

«Славный жребий выпал мне:
В зной и в стужу злую
Воевал я на войне
За страну родную».

1919

WHERE, MY VINES...

Where, my vines, was your winter spent,
  That you show no shoots?
Where, my son, did you spend the night,
  That you slept in your boots?

We spent winter in a land
  Where the blizzards blew.
I spent night on the field of war,
  Where the bullets flew.

Where, my vines, was your summer spent,
  That you peak and pine?
Where, my son, did you spend the day,
  That you did not dine?

We spent summer where the heat
  And the drought were sore.
I spent daytime where the guns
  Like the thunder roar.

Why, my vines, didn't you, even one,
  Cold and heat survive?
Why, my son, did you go to war
  There to risk your life?

Fate it was that cast us down,
  Buried us in the sand.
I went off to join the war
  For my motherland.

1919

НА СМЕРТЬ СТЕПАНА БУЛАТА

Задремал ты. Над могилой
Ветер стихнул, пригорюнясь...
Смерть скосила — не спросила...
Светел сон твой о Коммуне!

Солнце за косы хватая,
Думал думку о Перуне,
Что разбудит силы края...
Светел сон твой о Коммуне!

Сиротами горевыми
Цеп с косой забыты в клуне,
Кто ж их на врага подымет?..
Светел сон твой о Коммуне!

Мир поднялся, встрепенулся...
Верь, свободный ветер дунет
По всей милой Беларуси!
Светел сон твой о Коммуне!

Расцветая в славе буйной,
Зашумит золотострунный
Край родной одной коммуной!..
Светел сон твой о Коммуне!

Над могилой ветер бродит,
Цвет колышет вешний, юный,
Солнце всходит и заходит...
Светел сон твой о Коммуне!

9 августа 1921

ON THE DEATH OF STEPAN BULAT

Fame and glory made you sleepy,
And the cold damp sand was mourning...
Death did not pass you—did not ask you—
—Dream, tovarishch, of the Commune!

You seized hold of the sun by its tresses,
Thought rebellious thoughts of thunder,
Which would wake the land's whole spirit...
—Dream, tovarishch, of the Commune!

Just like orphans, long-forgotten,
Scythe and flail in the shed are hanging—
Who will use them 'gainst the enemy?
—Dream, tovarishch, of the Commune!

Now the world, aroused, has risen...
True, a wild free wind is blowing
Through the whole of Byelorussia!
—Dream, tovarishch, of the Commune!

Roaring in its stormy glory,
With its golden strings a-ringing,
Your dear land is now one commune...
—Dream, tovarishch, of the Commune!

On the burial mound before us
Will arise the grass and flowers,
Sun descending and ascending...
—Dream, tovarishch, of the Commune!

August 9, 1921

А КУКУШКА КУКОВАЛА...

Как на свет родился Янка,
Как заплакал много-мало,
Пела мать над колыбелью,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Спи, соколик, ку-ку, ку-ку!»

Как подрос, поднялся Янка,
Скот пасти пора настала,
На жалейке все играл он,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Паси стадо! Ку-ку, ку-ку!»

Как подрос, как вырос Янка,
Сеять стал, не уставал он
И за севом пел о доле,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Сей, где можешь! Ку-ку, ку-ку!»

Как ни жал, ни сеял Янка,
Все чего-то не хватало:
Янка сеял — люди жали,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Жить ты будешь, ку-ку, ку-ку!»

THE CUCKOO

When he first was born, our Yanka
Started weeping, sobbing, sighing.
Mother sang beside his cradle;
But he heard the cuckoo crying:

Cuck-oo, cuck-oo, cheer up, look you!
Sleep, little falcon: Cuck-oo, cuck-oo!

When he grew a lad, our Yanka,
Came the time for cattle-driving,
On his flute he played and played then;
But he heard the cuckoo crying:

Cuck-oo, cuck-oo, cheer up, look you!
Feed the cattle! Cuck-oo, cuck-oo!

When he grew a man, our Yanka,
He began to sow, untiring,
Singing over folk's misfortune;
But he heard the cuckoo crying:

Cuck-oo, cuck-oo, cheer up, look you!
Sow where able! Cuck-oo, cuck-oo!

How he briskly sowed, our Yanka!
Not enough, though, all his striving.
Yanka sowed—and others reaped then;
But he heard the cuckoo crying:

Cuck-oo, cuck-oo, cheer up, look you!
You shall harvest! Cuck-oo, cuck-oo!

Как стал старым, старым Янка,
Как в нем удали не стало,
Баял байки-сказки внукам,
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Хватит баять! Ку-ку, ку-ку!»

Как в могилу клали Янку —
Как родня затосковала!
Ах, зачем ты умер, пахарь!
А кукушка куковала:

«Ку-ку, ку-ку, кинь докуку!
Спи, соколик! Ку-ку, ку-ку!»

8 сентября 1921

When he grew quite old, our Yanka,
When his boldness started dying,
He crooned stories for his grandsons;
But he heard the cuckoo crying:

Cuck-oo, cuck-oo, cheer up, look you!
Give up stories! Cuck-oo, cuck-oo!

When they buried him, our Yanka,
How his kinsfolk started sighing!
Ah! why did you die, good sower?
But he heard the cuckoo crying:

Cuck-oo, cuck-oo, cheer up, look you!
Sleep, little falcon! Cuck-oo, cuck-oo!

September 8, 1921

TO THE YOUNG EAGLES

I

Hey, soar off with pinions plying,
You young eagles, bold and bright,
O'er the past in graveyards lying,
O'er the funeral sleep of night.

Where the brilliant lightning rages
In the threatening thundery storm,
For the wondering future ages
New and fiery clarity form.

Storm and whirlwind for you yielded—
Let it howl and rage and wheel—
Scythes and sickles which you wielded,
And your swords of tempered steel.

Gloom of former days accursed,
Where the knout and lash roamed free,—
You young eagle band disperse it
With fresh force and energy.

Now the hour has struck already,
And adventurous youth awoke.
Time to quit the rutted roadway
For our Byelorussian folk.

In a new and wondrous chorus,
With new freedom in full spate,
Chains cast off, a storm uproarous,
Through the land has whirled our fate.

ОРЛЯТАМ

I

Ой, орлята, взвейте крылья,
Ширьте крылья перед взлетом
На минувших дней могиле,
Над кладбищенской дремотой!

Вспышкой-молнией грозовой,
Гулом-рокотом веселым
Для веков диктуйте новых
Свет невиданных свершений.

Вам серпы и косы в руки
И мечи добротной стали
Дали вьюги-завирухи,
Что в полях отбушевали.

Тень бывальщины проклятой,
Кнутобойной и постылой,
Прочь сметете вы, орлята,
Молодою буйной силой.

Новый день пришел к порогу,
Засветлел по небосводу,
Прочит новую дорогу
Белорусскому народу.

В небывалом хороводе,
На безбрежье, на свободе,
На раскованном раздолье
Кружит вихрем ваша доля.

TO THE YOUNG EAGLES

I

Hey, soar off with pinions plying,
You young eagles, bold and bright,
O'er the past *in graveyards lying*,
O'er the funeral sleep of night.

Where the brilliant lightning rages
In the threatening thundery storm,
For the wondering future ages
New and fiery clarity form.

Storm and whirlwind for you yielded—
Let it howl and rage and wheel—
Scythes and sickles which you wielded,
And your swords of tempered steel.

Gloom of former days accursed,
Where the knout and lash roamed free,—
You young eagle band disperse it
With fresh force and energy.

Now the hour has struck already,
And adventurous youth awoke.
Time to quit the rutted roadway
For our Byelorussian folk.

In a new and wondrous chorus,
With new freedom in full spate,
Chains cast off, a storm uproarous,
Through the land has whirled our fate.

Вам дарован Серп и Молот
Временем орлиным,
Чтобы каждый был, кто молод,
Гордым исполином.

Чтоб добытую свободу
Знали, почитали,
Чтоб невзгоду-непогоду
Грудью повстречали.

Чтобы встали, зашумели,
Словно вихрь всесветный,
Не проспали бы в постели
Воли огнецветной.

Вам от дедов дар законный —
Бороны и сохи,
Чтобы гнали вы загоны,
Как приспеют сроки.

Чтоб вспахали свои нивы
Глубоко, просторно,
Чтоб засеяли счастливо
Их зерном отборным.

Чтобы жито налитое
Подилось лавиной
Обок с вашей молодою
Славой соколиной.

Закаленные от дедов
Вам достались косы,
Чтобы вы за солнцем следом
Вышли на покосы.

II

Hammer and sickle to you, my brave ones,
Fate has given aright,
That henceforth each one should grow mighty,
Like a valorous knight.

So that now your hard-won freedom
You should highly prize,
And in difficult conditions
Like a wave should rise.

So that you should rage and thunder,
Like a world-wide storm,
Should not miss, through oversleeping,
Freedom's fiery form.

*

Fathers and grandfathers gave you
From their furrows the plough,
So that you should start the tilling
In the springtime now.

So that you your field should furrow
Stubbornly and long,
In a happy hour should scatter
Golden seeds with song.

So that o'er the land, majestic,
Rustling waves the grain,
Right beside your youthful glory
And your eagle's fame.

*

As your heirlooms forebears left you
Scythes with hammered blades,
That beneath the sun a-shining
You should mow your swathes,

Чтоб скосили ряд за рядом
Тот сорняк постылый,
Что своим коварным ядом
Отравляет жилы.

Чтоб, разбрызгивая росы,
Над простором сонным
Прозвенели ваши косы
Вековечным звоном.

*

От прошедших поколений
Песня вам в награду,
Чтобы в жизни предвесенней
Не стихала радость.

Чтоб вы пели в голос полный
В радости и в горе,
Чтоб шумели, словно волны
В неспокойном море.

Чтобы гомон шел по лону
Всей земли великой
И людей закабаленных
На свободу кликал.

1923

That you should not tire of mowing,
Cutting down the weeds,
So that human blood's not poisoned
By their baneful seeds,

So that scythe-blades should start ringing
O'er the earth serene,
In that hour when dew is sparkling
On the grass-blades green.

*

You were given as your inheritance
Songs from times forlorn,
So that you should sing more marvellous
Songs of springtime morn,

So that you should sing full-hearted
Songs of joy and woe,
Which should seethe like waves white-crested
When *the storm-winds blow,*

So your songs should thunder stronger,
Field to field, spread wide,
Calling folk in dark and fetters
Forth to freedom's light.

1923

Чтоб скосили ряд за рядом
Тот сорняк постылый,
Что своим коварным ядом
Отравляет жилы.

Чтоб, разбрызгивая росы,
Над простором сонным
Прозвенели ваши косы
Вековечным звоном.

*

От прошедших поколений
Песня вам в награду,
Чтобы в жизни предвесенней
Не стихала радость.

Чтоб вы пели в голос полный
В радости и в горе,
Чтоб шумели, словно волны
В неспокойном море.

Чтобы гомон шел по лопу
Всей земли великой
И людей закабаленных
На свободу кликал.

1923

That you should not tire of mowing,
Cutting down the weeds,
So that human blood's not poisoned
By their baneful seeds,

So that scythe-blades should start ringing
O'er the earth serene,
In that hour when dew is sparkling
On the grass-blades green.

*

You were given as your inheritance
Songs from times forlorn,
So that you should sing more marvellous
Songs of springtime morn,

So that you should sing full-hearted
Songs of joy and woe,
Which should seethe like waves white-crested
When the storm-winds blow,

So your songs should thunder stronger,
Field to field, spread wide,
Calling folk in dark and fetters
Forth to freedom's light.

1923

* * *

Я — пролетарий! Так, друзья:
Вчерашний раб между рабами,
Земли хозяин ныне я
И царь могучий над царями!

Моя отчизна — целый свет,
От нив родных я отвернулся...
Но... не забыл еще всех бед:
Мне снятся сны о Беларуси.

1924

* * *

Just so! A proletarian I!...
A miserable slave but yesterday—
Today I am the earth and sky,
As Tsar above all tsars hold sway!

The world's become my motherland—
I leave my fields behind, it seems,
And yet... One trouble remains on hand:
I still see Byelorus in dreams!

1924

10—926

ПРИДУТ

Придут мильоны поколений
На наше место и тогда
Рассудят — в честном ли горенье
Мы жили так, что череда

Обид минувших нас не съела,
Оставив только дым и чад,
И мы по-прежнему несмело,
Нескладно жили, невпопад?

И так ли честь оберегали
Без принужденья, без мук,
И совестью не торговали,
Не продавали дум и рук?

И вправду ль в памяти оставить
Такие песни мы смогли,
Где было нам дано восславить
Свободу и любовь земли?

Пусть нам история выносит
Свой неподкупный приговор,
И с нас за все как надо спросит,
И разрешит как надо спор.

Пускай в свидетели покличет
Дела былые наших дней,
Перечеркнет иль возвеличит —
Ей будет издали видней.

Чтоб наш потомок изумился,
Когда наслышится о нас:
Кто даже силою гордился —
Стонал под тяжестью не раз;

AND SOME WILL COME...

And some will come to take our places,
A new society of our heirs,
To judge us whether we lived uprightly,
And not embittered by our cares.

And whether past humiliations
Had not left smoke and fumes behind,
And had not we been, usually, timid,
Not lived harmoniously, but blind?

Had we preserved our name and honour,
Worked our own will, not under threat,
Had we not bargained with our conscience,
And chained ourselves both hands and feet?

And were we able to leave behind us
Such songs, with such a melody,
From which it would be seen quite clearly
That we had, first to last, been free?

And soon its incorruptible sentence
Will history sternly on us pass:
Did we look carefully around us,
And make decisions that were first-class?

As trial-witnesses, written records
They'll call against us then, for sure,
There will be checks, and counter-checking,
The verdict of history is dour!

And our successors will be saddened
When they learn of our life, and see
That even he who was no weakling
Was bowed by the burden of misery;

Не шел с открытыми глазами
Случайной тропкой, как-нибудь, —
Не торными шагал путями,
А сам протаптывал свой путь.

Июнь—июль 1926

But did not go with eyes wide open
On trodden tracks, and ways well-known,
But with all possible possibilities
Trod out his tracks, trod out his own.

June-July 1926

ЗА ВСЕ...

За все, что взял от жизни,
Что дал мне мой народ,
За дом в моей отчизне,
За хлеб-соль без забот

Я отплатил народу, —
И много, много лет
Я звал вас на свободу,
Я звал из тьмы на свет.

И для отчизны бедной,
Чтоб дать ей больше сил,
Слагал я гимн победный
Среди крестов, могил.

Борясь с лихой напастью
За счастье для людей,
Писал стихи в несчастье
Всей кровью я своей.

Вносил я этим долю
Добра для всех людей, —
Так ждать чего же боле
От песни вам моей!

Июнь—июль 1926

FOR ALL

For all, my bread when hungry,
My bed and board, my share,
My corner in my country,
For all hospitable care—

I have repaid my people
As far as in my might:
I called them forth to freedom,
And from the dark to light.

And for my own poor country,
That she her strength should save,
I wrote a hymn of victory
Beside the cross-marked grave.

I battled with disaster,
And for the people's good,
I gave them songs in darkness,
And paid with my heart's blood.

I brought them a goodly portion
Of happiness with my airs.
What more can they ask—what more then,
From this poor poet of theirs?

June-July 1926

ВПЕРЕД — НЕИЗМЕННО!

Ты слушай-послушай,
Товарищ и брат:
Вперед — неизменно!
Ни шагу назад!

Гляди: разрастаясь,
Наш вихрь-бурелом
Чрез поле, сквозь чащу
Летит напролом.

Как вихри, машины
Несутся вдали,
По синему морю
Плывут корабли.

В моря и озера,
Смывая всю грязь,
И речки и реки
Текут, торопясь.

Летят самолеты
Увереннэй птиц,
Не зная в полете
Ни меж, ни границ.

Вперед — неизменно!
Ни шагу назад!

. . . .

Вот так, не иначе,
Товарищ и брат.

Декабрь 1931

ALWAYS FORWARD!

Listen to me, comrade,
Brother, learn this pat:
Always, friend, go forward,
Never, friend, go back.

Look how hurricanes hustle—
Breaking part of life—
Through the field and forest
Cutting like a knife.

Trucks and farm machinery,
Over the furrows whip.
Over the seas of azure
Forward sails the ship.

To the lake and ocean,
Cleansing as they go,
Springs and streams and rivers
Forward flow and flow.

Aeroplanes, like eagles,
Swiftly bore through space,
Knowing not a boundary
As they forward race.

Always going forward!
Never going back!

. . . .

So, my brother-comrade,
Always go like that!

December 1931

ДЛЯ ТЕХ, КОГО ЛЮБЛЮ

Сердцу нету Маруси дороже,
А Марысю люблю я ведь тоже.
А по правде, люблю сразу двух,
Про себя говорю я и вслух.

Об их доле я складывал песни
До весны еще нашей чудесной,
И теперь наяву и во сне
Они обе остались при мне.

Дым ли вижу трубы я фабричной,
Или полем пройду я пшеничным,
Мои думки гуляют, летят,
И все возле любимых девчат.

Золотыми песками под ножки
Посыпал бы им стежки-дорожки,
Солнца б свет постелил и тепло,
Чтоб их к вечному счастью вело.

И все крепче любовь год от года
К черноглазой Марусе с завода,
Ей цветы бы собрал для венка,
Одевал бы в атлас и шелка.

Нет Марыси в колхозе прекрасней,
Так люблю синий взгляд ее ясный,
Ей цветы бы собрал для венка,
Одевал бы в атлас и шелка.

Ноябрь 1934

FOR THOSE WHOM I LOVE

I'm in love with Marusya, whole-hearted,
From Marisya, though, cannot be parted.
And, indeed, if the truth I must tell
I love both of them equally well.

I had thought up a song, enraptured,
Long ago, ere my heart both had captured.
And today wide awake, and in dreams,
They are everywhere with me, it seems.

If I glance at a factory chimney,
Or a wheat-field of gold glowing dimly,
My thoughts fly o'er city and grove,
To the two, both of whom I so love.

I would sprinkle gold grains on the highway,
And gold sunshine would spread on the bye-way,
So that soon on the path 'neath their feet
They should long-lasting happiness meet.

Every day, more and more, I love, actually,
My Marusya, black-eyed, at the factory.
I would crown her with lilies like milk,
And would swathe her in satin and silk.

I so love, for her blue-eyed beauty,
My Marisya, kolkhoz-girl, yes truly,
I would crown her with lilies like milk,
And would swathe her in satin and silk.

November 1934

СОЛНЦУ

Ой ты, мое солнце,
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше,
Как я был несчастным,

Как я с малолетства
Радости не ведал,
Как за мной плелися
Беда, горе следом,

Как отец мой умер
В бедности постылой,
Как его могилу
Паводком размыло,

Как я шел, печальный,
Не зная дороги,
Обивать с поклоном
Панские пороги,

Как я, одинокий,
Мучился на свете,
Как завяла с горя
Молодость в расцвете?

Ой ты, мое солнце,
Как ты светишь ясно!
Где ж ты было раньше,
Как я был несчастным?

Июнь 1935

TO THE SUN

Oh, you sun above there,
How you shine so clear!
Where then were you earlier,
When my life was drear?

When back in my childhood
Joyless I would go,
Then I found my traces
Dogged by grief and woe.

When I buried father,
Worn out ere his day,
And his grave soon after
Floods then washed away.

When I went unhappy
On the road once more,
Knocking and a-bowing
At the landlord's door.

When I was so lonely,
How I used to roam,
How my youth was wasted
In its very bloom.

Oh, you sun above there,
How you shine so clear!
Where then were you earlier,
When my life was drear?

June 1935

СОСНЫ

Сосны вы звонкие,
Тонкие сосны,
Солнце храните вы
С весен по весны.
Вас, величавые,
Ветер колышет —
Думы вы будите
Шумом и тишью.

Те же на севере
С весен по весны
В снежной Карелии
Высятся сосны.
Те ж, в черноморские
Глядя просторы,
Вы осеняете
Крымские горы.

Сосны далекие,
Близкие сосны,
Сердцу так любы вы
С весен по весны.
Вас одинаково
Ветер колышет,
Думы вы будите
Шумом и тишью.

Июнь 1935

PINES

Pines, like ship's mast-heads,
Proud in your ways!
You have seen many
Sunny spring days.
You calm and quiet ones,
Winds rock you till
Thoughts you awaken,
Stormy or still.

There in the northlands,
Spring goes her rounds—
Cold in Karelia
Pines raise their crowns.
There in the southlands,
Warm by the seas,
Pines have enveloped
Crimean steeps.

Pines so far distant,
Near pines which ring,
To our hearts precious,
Spring after spring,
You, standing lonely,
Winds rock you till
Thoughts you awaken,
Stormy or still.

June 1935

АЛЕСЯ

На заре куковала
Кукушка в Полесье,
Мать ласкала, качала
Дочурку Алесю.

Тьма ложилась ночная,
Сосны глухо шумели.
Песню мать напевала
У родной колыбели:

«Спи, засни, мой цветочек,
Пташки все позаснули,
Спи, веселый звоночек,
Люли, люленьки, люли.

Спи, расти без тревоги,
Спи, накапливай силы.
На свои встанешь ноги,
Будешь самой красивой.

Будешь зимней порою
Прясть, наматывать нитки,
Будешь теплой весною
Счастья ждать у калитки».

На заре куковала
Кукушка в Полесье,
Только мать не узнала,
Что будет с Алесей.

Это быль или небыль?
Дочка силы набралась.
Прямо в синее небо
Полетела, помчалась.

ALICIA

Oft the cuckoo was calling
In the green forest quarter.
Mama counted them telling
The years for her daughter.

And the pine-forest rustled
Both morning and evening.
By the linden cot mother
Began softly singing.

"Go to sleep, little pigeon,
Like the birds under cover.
Go to sleep, then, my pretty,
Lully-lullaby-lulla!

Sleep, my darling, at peace then,"
She crooned, as she kissed her.
"You will soon find your feet then,
My dear daughter Alicia.

And the tow you'll be spinning,
And weaving broad braiding;
And one day, come the springtime,
For your love you'll be waiting!"

Oft the cuckoo was calling
In the green forest quarter.
Mother guessed nothing more then
What would come of her daughter.

Youthful energy gaining,
That strong maiden Alicia
Like a falcon went sailing
Over forest and river.

Понеслась на машине,
Пронеслась на крылатой
По счастливой краине,
Над родимою хатой.

Миновала дубравы
И речные затоны,
Опустилась на травы
С парашютом зеленым.

И опять над полями
Поднимается выше
И стальными крылами
Тучи в небе колышет.

Что ни день, в поднебесье
Смотрит мать из оконца:
Не видать ли Алеси
Возле ясного солнца?

На заре куковала
Кукушка над нивой.
Мать не зря тосковала
О доле счастливой.

Июнь 1935

In a swift plane arising,
Silver-winged she went hunting
O'er the happy horizon,
O'er her dear native country.

And she opens the gates
To the heavenly summits:
Like a hawk from the heights
On her parachute plummets.

Through the airy dominions
To the sun she goes sailing:
With the plane's metal pinions
She sets cloudbanks a-swaying.

Mama stands day and night-time
By the window-sill dreaming:
Has her daughter come flying
From the sun, back to spinning?

Oft the cuckoo was calling
In the green forest quarter.
Mother guessed nothing more then
What would come of her daughter.

June 1935

ВЕЧЕРИНКА

Вечеринкой вечер скрасив,
В «Красном пахаре» гуляют,
Пришли Стенки, Петьки, Васи,
Пришли *Зоси*, *Кати*, *Стаси*.
А гармоника играет...

Пришли с поля в платьях ярких,
Клуб заполнили до края,
Всюду жнец и доярки,
Бригадиры и свинарки,
А гармоника играет...

А хозяйки — им цены нет,
Ходом ходят, как летают, —
Зина шепчется с Мальвиной,
А Мальвина шепчет Зине,
А гармоника играет...

Подхватил подружку в пару,
Янка — Машу, Юрка — Раю,
Дают жизни, дают жару,
«Сербиянку», «польку» шпарят,
А гармоника играет...

За столом идет беседа
О житье, об урожае,
Пьет соседка в честь соседа,
Кто не завтракал — обедай!
А гармоника играет...

Ночь уходит, солнце всходит,
И домой давно пора им, —
Где тут, где тут! В хороводе
Танцы новые заводят.
А гармоника играет...

FARMERS' PARTY

There's a party—grown-ups, kiddies,
To "Red Ploughman" kolkhoz bringing,
Stepka, Petya, Vasya—laddies,
Zosya, Stasya, Katya—lassies,
  While the accordion's ringing, ringing.

Seeders, weeders, cattle-breeders
Fill the club till the walls are springing,
Milkmaids, and red-star team-leaders,
Poultry-girls, and piggery-feeders,
  While the accordion's ringing, ringing.

Proud house-mistresses, none cleaner,
Young and old together clinging.
Zina whispers to Malvina,
And Malvina then to Zina,
  While the accordion's ringing, ringing.

First pair up, who could be bolder,
Yanka and Manka round go swinging.
Yurka and Raya, Vanka and Olya
Fire away in a furious polka,
  While the accordion's ringing, ringing.

At the table, the talk's of labour,
Of the harvest they've been bringing,
Neighbour clinks a glass with neighbour,
Hungry ones enjoy food's flavour,
  While the accordion's ringing, ringing.

Midnight passes, dawn's rays glancing,
Time to wander homeward, singing.
But they haven't finished the dancing,
Still go wheeling, whirling, prancing,
  While the accordion's ringing, ringing.

Из ночного той порою
(Кто сказал им — бог их знает!)
Парни в клуб пришли толпою
И пошли плясать гурьбою.
А гармоника играет...

«Красный пахарь» мой, гордись ты,
О тебе молва по краю,
В хатах новых шкварки в миске,
В платьях шелковых Марыськи.
А гармоника играет...

Июнь 1935

Lads who for the night are sticking,
From the pastures come a-stringing,
Squatting on their heels go kicking,
Clapping hands, and fingers clicking,
While the accordion's ringing, ringing.

Merrily, proudly, then, go hustling,
My "Red Ploughman", gaily winging;
Skimming plates on the tables justling,
And Marisya's silk dress rustling,
While the accordion's ringing, ringing.

June 1935

ЛЕН

Как над полем, над землей
Поднялся весны денек,
Я посеяла весной
В нашем поле лен-ленок.
Небо сеяло тепло,
Дожди пали хороши,
Было на сердце светло,
Песни пелись от души.
  Ой, ленок, ленок мой чистый,
  Волокнистый, золотистый!

Как расти стал, как подрос,
К солнцу стал тянуться он, —
Я с утра, я с теплых рос
Дотемна полола лен.
Что же сталось вдруг со мной,
Я огнем горела вся,
Полюбила всей душой
Бригадира Михася.
  Ой, ленок, ленок мой чистый,
  Волокнистый, золотистый!

Как отцвел мой спелый лен,
Отгорел синь-огонек,
Был других не хуже он,
Лен мой славный, лен-ленок.
Дергать лен денек настал —
Я запела о весне,
Копны бригадир считал,
И подмигивал он мне.
  Ой, ленок, ленок мой чистый,
  Волокнистый, золотистый!

FLAX

To the furrowed field of toil,
Came the early days of spring;
By the handful on the soil
Seeds of flax I went to fling.
Sunshine sowed the earth with warmth,
Showers fell from heaven's bowl,
Happiness filled my every thought,
Songs flowed freely from my soul.
  Oh, my flax, pure flax possesses
  Golden tresses, golden tresses!

When the shoots began to grow,
Lifted up their leaves on high,
Then I weeded, row on row,
Till the sunset stained the sky.
Then my heart felt somehow sad,
I can't say why it was thus;
But I met and liked a lad,
Leader of the team, Mikhas.
  Oh, my flax, pure flax possesses
  Golden tresses, golden tresses!

When the buds began to swell,
And the blossoms began to burst,
Then my flax showed up quite well,
Certainly not among the worst.
When I went to reap my flax
Singing of spring so happily,
As Mikhas checked up the stacks,
Once or twice he winked at me.
  Oh, my flax, pure flax possesses
  Golden tresses, golden tresses!

Как шла лен я обивать,
В ноги — камень да песок,
И за мной — не надо звать! —
Увязался Михасек.
А валек мой — хлясть да хлясть —
Глиняный колотит пол.
Подошел ко мне Михась
И улыбкою расцвел.
Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Как стелила я ленок
На зеленом на лугу,
Где встречался Михасек —
Целовала на бегу.
Сердце цветом расцвело,
Целый мир — веселый рай,
Хоть и осень, а светло,
Радость льется через край.
Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Смяла в мяльнице я лен,
Вытрепала под окном,
Заблестел, как чудный сон,
Лен шелковым волокном.
Луч на крыше среди дня
Тешит глаз своей игрой...
Хату строит для меня
Бригадир хороший мой.
Ой, ленок, ленок мой чистый,
Волокнистый, золотистый!

Июнь 1935

When my flax I went to thrash,
The sand scrunched 'neath my feet;
In my tracks there came Mikhas,
Just as if he'd winnow the seed.
When my flail beat—one, two, three,
On the clayey thrashing-place,
Then Mikhas came near to me,
Laid his hand upon my waist.
  Oh, my flax, pure flax possesses
  Golden tresses, golden tresses!

When I spread my flax on the grass,
After thrashing was all done,
As Mikhas then chanced to pass,
Then I kissed him on the run.
Then my heart was light and gay,
All the world a paradise seemed,
Though it was an autumn day,
Still the light so brightly beamed.
  Oh, my flax, pure flax possesses
  Golden tresses, golden tresses!

When the crushing of flax was done,
When I'd scutched it with my brush,
Then like some bright dream it shone,
With its silken tresses thus.
And playful light-rays flowed
Up the wall and thatching, see...
There a new-built hut arose,
Which Mikhas had made for me.
  Oh, my flax, pure flax possesses
  Golden tresses, golden tresses!

June 1935

ГЕНАЦВАЛЕ

Снег белеет на вершинах,
Льды на скалах засверкали,
Но цветут цветы в долинах,
Вся в цветах ты, генацвале.

Было любо мне в Цхалтубо,
Воды теплые ласкали.
Как любил я, как голубил
Тебя в думках, генацвале.

Ты улыбками лечила,
Твои взоры чаровали.
Молодые сны будила
Ты, грузинка, генацвале.

Ой, уеду я далеко,
Сердце дрогнет от печали.
Будет грустно, одиноко
Без тебя мне, генацвале.

Будет сниться край прекрасный,
Грузии чудесной дали.
Ты звездой далекой, ясной
Будешь сниться, генацвале.

Элико, очарованье!
Звезды грустно нам мерцали.
«Сулико» мне на прощанье
Спой, грузинка, генацвале.

Январь 1938

*GENATSVALEY**

Snow gleams white upon the mountain,
On steep cliff and jutting height,
Flowers are blooming in the valley,
Genatsvaley, the sun shines bright.

In Tskhaltubo all was pleasant,
There in warm life-giving stream,
It was pleasant when I caressed you,
Genatsvaley, in my dream.

With your charming smile you healed me,
With your medicine, and your spell,
Wondrous dreams you woke within me
Genatsvaley, my Georgian girl.

Oh, so far away I'll travel,
And my heart will ache with rue;
I shall feel so sad and lonely,
Genatsvaley, without you!

I shall dream of cliffs and mountains,
Georgia's wondrous dales and streams;
You alone will, clear as morning,
Genatsvaley, fill my dreams.

Eliko,** my brightest dawning,
Stars so vaguely wink at me.
"Suliko"*** at my departing,
Genatsvaley, sing to me!

January 1938

* Genatsvaley, "my honey".—*Tr.*
** Eliko, a Georgian girl's name (Elizabeth).—*Tr.*
*** "Suliko", a well-known Georgian song.—*Tr.*

А МЫ СЕБЕ СЕЕМ И СЕЕМ...

(Фрагмент)

1

А мы себе сеем и сеем
В просторах родимого края,
Пшеницей, цветами, весельем
Родные края засевая.

Гудки наших фабрик, заводов
Врываются в думы и песни,
О жизни привольной, свободной
Разносят веселые песни.

Любые пути нам открыты —
Лежат широки и просторны,
На путь наш, цветами увитый,
Беды не нашлет ворон черный.

Стоит часовой на границе,
Хранит он от черной напасти
И наши загоны пшеницы,
И наше великое счастье.

И мы себе сеем и сеем
В просторах родимого края,
Пшеницей, цветами, весельем
Родные поля засеваем.

2

Мы жизнь свою улыбкою встречаем,
Свободно дышим, радостно поем,
Счастливая звезда сверкает нам ночами,
А днем мы с солнцем под руку идем.

WE THINK ONLY OF SOWING...

(Excerpt)

1

We think only of sowing and sowing
Our joy, and our wheat, and our flowers;
We sow the clean seed we've selected
To bring pleasant, contented hours.

The whistles of works and of factories
Make us songs, and new thoughts they provide,
And our hearts beat in time with the motors
Of the tractors on steppelands wide.

Our way now lies distant and open
To all the four corners of earth.
To our pathway, bestrewn with red roses,
No black raven of woe will bring death.

Our soldiers stand guard on our borders,
And save us from black distress,
Our fields full of wheat, rye, and barley,
And also our great happiness.

We think only of sowing and sowing,
Our joy, and our wheat, and our flowers;
We sow the clean seed we've selected
To bring pleasant, contented hours.

2

We look into life's eyes, and smile with pleasure
And fate has shod good fortune for the run.
By night we gather happiness' fern-flowers,*
By day walk arm-in arm beneath the sun.

* A popular superstition that on Midsummer's night ferns m
bloom, and that such a flower brings happiness.—*Tr.*

Широкие и торные дороги —
Куда ни глянь — ковром для нас легли.
Лучи зари нам стелются под ноги
Во всех краях родной моей земли.

Для нас сады весною зацветают,
И нашим нивам не видать конца.
И шумным говором наш слух ласкают
Кудрявые зеленые леса.

В криницах наших, речках и озерах
Прозрачна и живительна вода.
По сочным травам в луговых просторах
Пасутся наши тучные стада.

В родном краю пришло богатство к людям,
И в красный угол село в добрый час,
И, хлопоча, по праздникам и будням
Печет пшеничный каравай для нас.

Горды мы долею своей богатой,
Горды мы славой родины своей.
Вперед мы смотрим, словно соколята,
Под ясною зарею наших дней.

3 ноября 1938

The wide and flowery roads lead on before us,
And lie like coloured carpets in the light,
The dawn spreads out beneath our feet her radiance
Upon the earth, in festive garment bright.

For us the gardens and the orchards blossom,
The rye bows down its ears beneath the breeze,
And thoughts caress us, and we hear with pleasure
The living conversation of the trees.

The fruit is ripening in the field and vineyard,
Beneath the summer sun all glows with gold,
Upon the juicy grass in groves and meadows
The heards are quietly grazing, young and old.

New wealth has come to our young village meeting,
And sits in our red corner with respect,
And bustles round on holidays and weekdays,
So that with wheaten loaves our table's decked.

We're proud of our new fate, of our new freedom,
Of our good name among our nearby friends.
We push ahead, and look round like young eagles,
And watch the course of new events and trends.

November 3, 1938

БЕЛОРУССКИМ ПАРТИЗАНАМ

(*Фрагмент*)

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

На руинах, на погосте,
На кровавых их следах
Пусть скликает ворон в гости
Воронов считать их кости,
Править тризну на костях.

Пусть у Гитлера-урода
Сердце вороны клюют,
Пусть узнает месть народа
Вурдалакова порода.
Партизан, будь в мести лют!

Враг народу нес мученья,
Резал женщин и детей,
Встал кошмаром-привиденьем
И закрыл кровавой тенью
День наш ясный, лиходей.

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

Вас зову я на победу,
Пусть вам светят счастьем дни!
Сбейте спесь у людоедов,
Ваших пуль в лесу отведав,
Потеряют спесь они.

TO BYELORUSSIAN PARTISANS

(Excerpt)

Partisans, o partisans,
Sons whom Byelorussia bore!
For captivity, for the chain,
Must the Hitlerites be slain,
So they never rise once more.

Over graves and burnt-out homes,
Over the blood-stained tracks still fresh,
May the crows call down the crows,
May they count the enemy's bones,
Make their funeral feast his flesh.

As for Hitler, vampire-bred,
May the crows peck out his eyes!
He on human flesh has fed,
He has drunk the blood just let,
May he die as a wild beast dies!

He has robbed the aged of sight,
Women, children, babies slain,
Like a savage ghoul, his blight
Turned bright day to darkest night.
May he die, the evil swine!

Partisans, o partisans,
Sons whom Byelorussia bore!
For captivity, for the chain,
Must the Hitlerites be slain,
So they never rise once more.

On to victory I call!
May your future days be fine!
Cut down these wild cannibals all,
On our country's sacred soil
May they leave no slightest sign!

Слышу плач детей в неволе,
Стоны дедов и отцов.
Опаленный колос в поле
На ветру шумит: «Доколе
Мне глядеть на этих псов!»

За сестер, за братьев милых,
За сожженный хлеб и кров
Встаньте вы могучей силой,
В пущах ройте им могилы —
Смерть за смерть и кровь за кровь!

Партизаны, партизаны,
Белорусские сыны!
Бейте ворогов поганых,
Режьте свору окаянных,
Свору черных псов войны.

19 сентября 1941

Ghosts of mothers, children cry,
And of sires and grandsires slain,
And the bloodsoaked onslaught sly
Calls for bloody vengeance high,
Such as ages have not seen.

From that scum our soil we'll purge,
Woods and water and the sky.
We'll bring low the Fascist scourge,
Soon they'll bow down to the earth,
Like our gathered ears of rye.

Partisans, o partisans,
Sons whom Byelorussia bore!
For captivity, for the chain,
Must the Hitlerites be slain,
So they never rise once more!

September 19, 1941

СНОВА ЖДУТ НАС СЧАСТЬЕ И СВОБОДА

Лютует Гитлер оголтелый —
Тесны Германии границы.
Чтоб выйти за ее пределы,
Он кровью мир залить грозится.

Откормлен человечьим мясом
Палач; им попрана свобода,
Грозит он миру смертным часом,
Пьет кровь свободного народа.

На Беларусь мою родную
Он жадным ринулся шакалом,
На ту страну, что, торжествуя,
Свободным счастьем расцветала.

Он режет, вешает невинных,
Он топчет нивы наши, долы,
Кровавым пламенем, скотина,
Сжигает города и села.

Он вытоптал цветы и травы,
Затмил пожаром наши зори,
Ох, отомстит же местью правой
Народ ему за это горе!

Не долго нам терпеть страданья.
Разбойничает он, сжигает,
Но всенародное восстанье
Ему час смерти приближает.

Настал день мести и расплаты,
И поднялися партизаны
Крушить фашистский сброд проклятый,
Давить захватчиков поганых.

WE SHALL RESTORE OUR JOY AND FREEDOM

Herr Hitler like a madman rages,
For Germany he finds too tight.
Give him the earth beneath his jack-boots—
The world may die in pain and fright.

And fed on butchered human corpses,
And bathing in the peoples' gore,
He has deprived the folk of freedom,
The chain and noose now reign once more.

On Byelorussia, my native country,
Like a ravenous jackal he has sprung,
On Byelorussia, which many years now
Has lived so happily, free and young.

He hangs and murders here the innocent,
The father, babe, and aged they slash.
With blood-red flame, this savage monster
Reduces village and town to ash.

My land of flowing wide expanses
He tramples 'neath his armoured heel...
Oh for this homeless, blood-stained sorrow
Our righteous vengeance he shall feel!

And not for long shall he thus lord it
With his marauding lawless ways—
Our folk as one have risen against him,
And count already his last days.

They've risen—the people in their anger,
They've risen—the partisans don't rest;
They strike the riff-raff scavenger fascists,
They strike, and reach the viper's nest.

И Красной Армии в подмогу
Народ наш, сердцем вняв приказу,
Встал — к счастью проложить дорогу
И сжечь фашистскую заразу.

Пускай увидит враг заклятый
День роковой, жестоко мстящий
За наши выжженные хаты,
За детский труп, в крови лежащий!

Очистим наши лес и поле
От Гитлера орды кровавой
И заживем на вольной воле
В домах, отстроенных на славу.

Преодолев годину злую,
Отстроим все, залечим раны,
Чтоб Белоруссию родную
Свет снова залил несказанный.

Земля покроется дворцами,
Все выйдут в праздничной одежде,
И знамя, пламенное знамя
Над нами расцветет, как прежде.

19 мая 1942

They go to help the great Red Army,
Soldiers and citizens do their best
To pave the way to a happy future,
To purge away the German pest.

The day of retribution's coming,
For all our sufferings, all our graves,
For all our burned-out barns and houses,
For all our slaughtered innocent babes.

We'll clean the fields, and clear the forests
Of Hitler and his fascist bands.
We shall restore our joy and freedom
In all our reconstructed lands.

We'll heal our wounds, restore our pastures,
Our villages we'll all set right,
And our beloved youthful country
We'll bathe in wondrous brilliant light.

Again our palaces will glisten,
And people wear their festive dress,
And as we swanked it, so we'll swank it
Beneath the dear red flag no less.

May 19, 1942

ALPHABETICAL INDEX OF TITLES AND FIRST LINES OF VERSES

СОДЕРЖАНИЕ

Request to Readers

Progress Publishers would be glad to have your opinion of this book, its translation and design and any suggestions you may have for future publications.

Please send all your comments to 17, Zubovsky Boulevard, Moscow, USSR.